

СМЕНА

★ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ ★

1925
№
22

“МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ”

Письмо в редакцию

УВАЖАЕМЫЕ ТОВАРИЩИ!

Мы всей организацией решили посылать Вам фотографии нашей рабочей работы по уборке своего урожая. Нужно сказать, что это один из самых важных моментов в истории нашей Горьковской станичной организации Терского округа, когда мы общей семей практически проверили и применили свой опыт на хозяйственном фронте. Наша организация вошла в число из первых станичных организаций на Тересе в 1920 году. Ее развитие протекало в разгаре бакинщины в нашем районе. Борьба с бакинщином, смерть лучших самоотверженных товарищей, голод, первые трудности неч.— только больше укрепляли нашу комсомольскую семью. В 1924 году осеюю мы решили произвести свой посев. Другими усилиями собирая среди своих ребят колоски, ставя спектакли, мы посеяли 9¹/₂ десятин озимой пшеницы. Весной 1925 г. еще посеяли 2¹/₂ десятины овсянки и 2¹/₂ — чумизы. Тут и оправдалась. Мы теперь имеем возможность и государству помочь уро-

Журнал М. З. 4. 51—члены Боро: Варенико, Калюко и Подгорный.

Новости науки и техники

стекломому проверки их знаний на манерах у настоящей батареи.

РАДИО И ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

Зарубежные пчеловоды начали применять радио для более успешного переселения молодых пчел в новые ульи. Пчелы, как известно, очень чувствительны к звукам, особенно к воспроизводимым барабанным боим. Сами пчелы, при вылете нового роя, производят резкий жужжащий звук, возникающий которым, они вылетают. Но на это уходит много энергии насекомых. Пчеловоды зарубежья устанавливают громкоговорители у входа в новый улей и рои быстро летят в него, не приняв пчеловоду никаких хлопот.

СИЛА ВОЗДУШНОГО ЭЛЕКТРИЧЕСТВА

Лондонская метеорологическая станция высчитала, что на земле каждую минуту происходит 1800 гроз, длиною в общей сложности 360 000 километров в час или 100 в секунду. Наблюдения были систематизированы из сведений, полученных от 3000 метеорологических станций. Согласно этим сведениям, в течение года регистрируется свыше 16 000 000 гроз, т.е. 44 тыс. ежедневно.

СТАЛЬНЫМ ПТИЦАМ—СТАЛЬНЫЕ ГАВАНИ

Проекты трансатлантического воздушного сообщения поднимают вопрос о базах для самолетов и дирижаблей по пути следования из Америки в Европу. Научный институт Франции возмущает конкурсу на проекты аэро-

база с наложением 2-х лучших премиями. Уже позано несколько проектов. Один из них намечает остров из стального корпуса, заложеного цементом, связующего балластом, в форме подковы или явля ступаю со свободной площадью внутри его сторон. Моторные установки будут непрерывно работать, чтобы удерживать нос стального острова на одной высоте с целью предохранения его стороны от действия волн.

В корпусе острова будут устроены: починочные мастерские, гостиницы и рестораны для пассажиров, кинотеатры для обслуживающего персонала. Ночью мощные маяки будут прорезывать мрак, деляя направление пути летящим. Подобный остров по плану будет иметь 450 метров длины, 250 метров ширины, а стоимость его намечена в 13 000 000 долларов.

Предполагается соорудить 4 таких стальных острова в Атлантическом океане между Нью-Йорком и Брестом.

Проект летящей авиа-базы

той проваляло и поднять культурно-просветительную работу, а также проявлять к следующему году вновь зашкал. Всего собрано озимой пшеницы—1109 пудов. Средства мы свои разбили на 3 фонда: на новую зашашку, на культурно-просветительную работу и на остро-нуждающимся в материальной помощи чл. РЛКСМ. Уже помогли работам, посылаемым на участие. Сейчас ремонтируем свой клуб и вместе с С.-Х. Т-вом подали заявку на трактор. Намерены мы при успешности работ создать фонд для объединения батраков в с.-х. коммуну.

Удачной зашашкой и трудоиспользованием мы завоевали авторитет среди бакинщинских крестьян. Качество нашей пшеницы оказалось лучше яровой крестьянской, и крестьяне уже к нам обращались за семенами. Помогли изобретательскому оборудованию. Теперь у нас есть возможность написать в первую очередь любимую «Смену» и журнал «Крестьянское Молодежь».

Секретарь ячейки Лищенко.
Члены Боро (подпись).
Пред. с.-х. комиссии Журявал.

Прибор для «пробной стрельбы»

СТРЕЛБА В КЛАССЕ

Американская артиллерийская школа в Яле установила в классе прибор «пробной стрельбы» для первокурсников. Прежде чем быть направленными на настоящую стрельбу в поле, они практикуются в течение нескольких месяцев в классе.

Прибор состоит из досок, на которой рельефно изображены в миниатюре пейзаж с разными мишенями: зданиями, деревьями, людьми и т. д. Позади доски 2 оператора регулируют световые вспышки попадания, при чем первый удар в мишень даст на доске взрыв маленькой бомбы.

Ученик, вызванный к доске, командует, как если бы он находился на позиции у батареи. Остальные следят в бинокли за результатом выстрела. Вспышка света на доске указывает, правильно ли был взят прицел. Подобная практика вырабатывает хладнокровия и опытных артиллери-

Модель трансатлантического воздушного сообщения.

НЬЮ-ИОРК—ПАРИЖ В ОДНИ СУТКИ

Известный авиа-строитель Луи Бергер в Париже заявил о своем намерении сконструировать гигантские аэропланы с мощными моторами, которые смогут пролететь путь через Атлантику от Нью-Йорка до Парижа в 26 часов и будут вмещать 75 пассажиров.

Чрез шесть лет подобные голланды воздуха будут уже рейсировать между Старым и Новым Светом. Машина будет сконструирована целиком из металла и сможет справиться с ошеломительным успехом как на земле, так и на воде. Грузоподъемность намечена в 55 тонн, 8 моторов будут развивать 300 лошадиных сил.

Аэроплан будет вмещать чуть ли не 1-го класса на 8 пассажиров, чуть второго класса на 52 чел. и третьего—на 15 человек. Кроме этого, будет ресторан с электрической кухней и читальный зал, где будут разрешены курение. Экипаж этого аэроплана будет состоять из 18 человек: капитана, помощника, 2 пилотов, 8 механиков, 4 повара и радио-оператора.

Стоимость гигантской птицы—около 2 000 000 долларов будет покрыта выручкой после 2000 летных часов. Средств достаточно, чтобы билет выписывается для пассажира в 200 долларов.

СОДЕРЖАНИЕ: М. В. ФРУНЗЕ—Г. НИКИФОРОВ—Сельме дни (отрывок из повести). С. СИБИРЯКОВ—Г. И. Каточев (биограф. очерк). Ю. ЕСКАРОВ—Советы 1905 года (статья). И. ПУЛБКИ—Привычки с ланской (статья). Р. АКУЛЬШИН—Стяка о деревне. С. ШТРАЯХ—Юноша декабрист (статья). С. КЭМРАД—Золотая Вейсбергер (биограф. очерк). Н. ВАСИЛЕВ—МЮД в Великом океане (очерк). М. РОЗЕНФЕЛД—Страшно лето (очерк). А. НУЛЬПАК—В стране лордов (статья). В. ЯКУБОВИЧ—Русский сахар (статья). Инж. АЗБУКИН—На именных паровоза (статья). А. КАШИНСКИЙ—Война будущего (статья). В. ДОБРОВОЛЬСКИЙ и И. ЯБЛОНОВСКИЙ—Финансулар работники (статья). Е. ТРОЙНИК—Быт и жизнь (очерк). Р. РОМАН—Наша великие достижения (фельетон). Почтовый ящик. Письмо в редакцию. Редакция. Штрам и лавачи. Беседы врагов.

Иллюстрации художников: Г. ВЕРШАДСКОГО, В. БФАНОВА, В. СУТЕВВА, А. ШАБАД. Фотографии Ф. ЗУЕКОВА, Н. РОМАНОВА, В. ТЕПЛУХИНА.

РЕДКОЛЛЕГИЯ { А. Горька, Л. Давидсон, С. Соболев, С. Федоров, Д. Ханин.

Отв. Редактор. П. КОПЕСНИКОВ.

„СМЕНА“

- приложение к газетам:
- 1) „МОЛОДОЙ ЛЕНИНЕЦ“ — орган Московского К-та РАКСМ.
 - 2) „НА СМЕРТЬ“ — орган Уралбюро Центрального К-та РАКСМ.
 - 3) „МОЛОДОЙ ЛЕНИНЕЦ“ — орган Центрального К-та АКСМУ.
 - 4) „МОЛОДОЙ ШАХТЕР“ — орган Донецкого Губкома АКСМУ.

СМЕНА

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ
ОРГАН

Центрального и Московского Комитетов Российской Ленинского Комсомола

Из-во «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА
на 1925 год.

• 1 год — 24 ном. 5 руб. 80 коп.
• 6 мес. — 12 „ 2 „ 75 „
• 3 „ — 6 „ 1 „ 55 „

РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА:

Москва, Новая площадь, д. 9/8. Тел. 1-89-13.
Гуляющие редакции не возвращаются

№ 22

20 НОЯБРЯ

1925 г.

Памяти тов. М. В. Фрунзе.

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ Фрунзе 19 летним юношей вступает в революционное рабочее движение. В 1905-м году он руководит знаменитой Иваново-Вознесенской забастовкой; активно участвует в московском декабрьском восстании. Революция раздвинута — т. Фрунзе обнаруживается жандармами и царским судом за принадлежность к большевистской партии осуждается на каторгу. За вооруженное сопротивление полиции снова предстает перед судом и приговаривается к смертной казни. Смертная казнь заменяется 6-летней каторгой.

Годы тюрьмы, смертный приговор, бегство, нелегальная работа, попытка ареста, снова бегство, опять неустанная работа, — путь, который выковал из т. Фрунзе героя — патиска и побед на фронтах нашей революции. Наступает Колчак. Тов. Фрунзе становится во главе одной из армий — и с тех пор армия не знает поражений. Тов. Фрунзе командует южным врагелеским фронтом. Его приказ по фронту говорит: „Врагел должен быть разбит и будет разбит“ — и красные бойцы грудью пробивая проволочные заграждения, ится вперед огненную завесу протизника, под

„дневным“ светом прожекторов, штурмуя бровевики и бронепоезда, гонят Врагелса и сбрасывают его в море. С начала 1925 г. т. Фрунзе — председатель Реввоенсовета Республики и народный комиссар по военным и морским делам.

Пример жизни т. Фрунзе будет всегда стоять перед рабочей молодежью. Память о нем будет неутомимым призывом к борьбе и неустанному труду!

ПОХОРОНЫ ТОВ. М. В. ФРУНЗЕ: Товарищи А. И. Рыков (в центре), Г. Е. Заньшев (слева), А. С. Енукидзе (справа) у гроба покойного на Новодевичьем кладбище.

СЕДЫЕ ДНИ

Г. НИКИФОРОВ, иллюстрации В. ЕФАНОВА

Хоть, по сапожке за это сапоги!

НОЯБРЬ все еще продолжает разводить изморозную канители; улицы города завязали в осенней пелесени, только ночами выведен и тянет холодком.

Андрейке некуда идти и нечего делать. Тупо смотрит он в облупленную стену соседнего дома, от скуки давит сланском долго заготовившихся мух, и зевает.

Антоня нет шестой день.

Мать хмурая, будто квашеной капусты об'елась. Всю ее воркотню Андрейка признает на себя.

— Слава создателю,—начинает она,—достукались: один сидит, как байбак, с места двинуться лень, другой совсем запропастился. Вырастала сынков, о матери и не подумаю. Как кормиться будем, ума не приложу.

— Ну, чего ты сидишь, примерь что ли?

— Отстань!

— Вот только и знаешь: отстань! Другой бы теперь все мышинные норки

обегал, а уж брата отыскал бы. Чего мы с тобой без него? С голоду подохнем.

— Не подохнем, придет.

— Целую неделю слышу: придет.

Скорбно жует дряблыми губами, смахивает выскользнувшую единую слезу и продолжает:

— Где уж тут притти, теперь, поди-ка, запичужили куда нибуду, век не вылезешь. Узнал бы, говорю.

Андрейка досадливо хмыкнул и пошелся.

— Ну вот, пошла тебень. Нельзя ити мне, чудачка ты, на каждом убого кроучки, проследят за мной—крышка Антоноу тогда, не понимаешь ты,—теперь раз революция, то обязательно.

— Да ты знаешь ли где он?

— Может и знаю, да не скажу, помалкивай: нет и нет, не бухни кому, немного жалеть, скоро всех господ подчистую, и долой самодержавие. Ларька гимназист сказывает. Вечером скожу.

Несколько минут молчания. Андрейка знает: ити искать брата некуда, говорит, лишь бы отвязался, самому тошно.

— Нет уж,—сила заводит мать,—нисполане от бога мне, за грехи окаянную душевную мытарит господь. Жилла на старости легуменьше—дождался. Жили тихо, мирно, так нет, бунтовать вздумали, весь народ перебулганчили. Что людям нужно,—неизвестно.

Ее воркотня—из впадины геста, течет тягуче и музло. Шуршит тараканьим слезом за отолранными обоями, а тут осень, тут мохнатые тучи, и невывлазая дремотная скука живому.

В груди у Андрейки беспокойно, пальцы сами свертываются в узлы.

Вспоминает убийство студентов. Хорошо бы ружье, и в боевую дружинку вступить! Ужину Антоны, обязательно проситьсе баду!

Уперся в окно, мысли обрываются. Стена соседнего дома, узкая щель проулка, все это свое, давно агакомое.

Если этим проуком ити, то выйдет прямо в рабочий квартал, а там Карька Губанов и другие ребята, школьные друзья-приятели.

Натянул сапоги—пойду!

— Засобирайся,—отозвалась мать,—не видели его на улице, какой тебя бес таскает толпою, удивленья! — Собак гонять пошел.

— Ну и собак, тебе что?

Андрейка пропер всю длину проулка, а когда вошел в раздор домов и сараев, остановился, залюбовавшись на легкую, облачную отливку, стайку голубей, кувыркавшихся в сединах осеннего неба.

Около сарая стояло четверо ребят; над ними, взобравшись по шаткой лестнице под самую крышу, размазывал длинный шестом Карька Губанов. Его нос, длинный и урямый, облепленный частыми ямками рябин, исследовал путь голубиной стаи, и восторженно морщился, танцуя с верхней припухшей губой.

Эй вы, аллайры,—крикнул Андрейка,—нашли время голубей гонять.

— Ну,—отозвался Карька, и ткнул в последний раз шестом в небо.—Где ты провалился?

— Он с братом забастовку делал,—засмеялись ребята.

— А что? И делал, небось не по вашему.

— Вытурят тебя из школы не по нашему, будешь знать.

— Учитель говорил,—подтвердил Мишка Пронин.

— Да, ведь, не учатся.

— Фф-ю-ю,—присвистнули товарищи,—прозевал. Всем велели собираться, третий день ходим.

— Только один забастовки учиться не хотят,—подковырнула Мишка,—и ты с ними.

— Ну да, с ними, хоршо тебе с дельговками, у отпа лавка вон какя, богатая не будешь.

— Что лавка? Тебе завидки?..

— Нет завидки, а с черной сотней разговаривать не желаю,—отрезал Андрейка.

Мишку в краску бросило, зубы ошерило злобно, и кулаки сжал.

— Хоть, по сапожке за это самое!

— Кто? Ты?—Андрейка вскинул плечи, придвинулся. Заходи, ну!

Цыль вы!—врезался между ребят Карька,—довольно тютельки-пяти, а то обжим начало. Ты не больно хохлишь,—и Мишка, отброшенный в сторону ударом локтя, ткнулся в стену сарая.

Окрысился: чего он задирает, какой, подумешли!..

— Ладно,—загалдели ребята, чего вы?

— Ты, Андрейка, откуда вывалился? Вот залетный, больше недели пропадал. Андрейка тивственно подмигнул, указывая на Мишку.

— Ни черта, чего бояться, не развоит.

Через минутку сидели в полутемном сарае под голубятей. Андрейка, с видом беззабашного удачлиа, рассказывал о своих похождениях.

— Это выдал!—Сбросил рукав ту-журки, расстегнул ворот рубахи и, ого-

лия плечо, показал рубец от удара на гайкой.

Лицо отражало суровость борца, гордость храброго солдата, человека, которому умереть — плюнуть.

— Во это пропалаха, — удивлялись слушатели, разглядывая шрам, — здорово оцопасало!

— А то еще, когда похороны были, зачали по нас пулями солдаты, не сойти с места, если вру!

— Боязно? — полюб опьтствова л Карька.

— Если бы боязно, думаешь пошел бы? Хы! Я все время с Антоном в первых рядах.

— И ничего?

— Лег на брюхо, ползу, раненые кричат. Одному в скулу долбануло, сюда вот вскочила пуля, около лба. Крови и-щи — фонтаном, лежит, и ногами дерг-дерг, ровно косит, а сам: хр-хр.

— Я бы ни за что не пошел, золотом осып, испуганно перекосив глаза, заявил Мишка.

— Куда тебе, а еще в драку лезешь.

— У меня отец тоже бунтовался, преврал рассказчика Карька, — фабрику приставовили, из машины все пары выпустили. Ну, и стегали за то их, почему зря. Теперь никто на работу не идет.

— И ходить нечего. Хозяев всех наотлет, к чертам.

Долго шептались. Под ручательство страшной клятвы и божбы, Андрейка что-то сообщил по секрету.

Храбрости его удивлялись и завидовали.

Через час он распоряжался и командовал, организовал из товарищей боевую дружину. Ходили на вылазку, стреляли по конной полицейской охране, варили язики казари. Надувая мехи, оглушительно ахали, и завернув в бумагу печной зольи, делали в местах взрыва дымные столбы.

За время игры Андрейка исполнял все роли, изображая дружинника, бомбиста, полицейских, царя и рабочих.

Вечер, как пьяный ухарь, ввалился в скважины улиц и заслонил все груными и неподвижным телом. Закопав голодом легким морозцем; развеселились звезды, высыпали в небо и брызнули впергонку, занимая лучшие места. Сумирак селился, ушел за углы, стало свежее.

Возвращаться домой не хотелось.

Кружится Андрейка знакомыми перелудками. Скушая, считает окна утажей, шагает, лишь бы развлечься, обходя Курбатовские, Расторгуевские и другие переулки.

Забрел в Соколовский, где дьями стоит ступокот от молодок жестянщиков и лесарей; в тикле летние вечера здесь судачили женщины, жены мастеровые, распустив около себя стада ползуучей детворы. Теперь все звуки выдавал кто-то, и влуг:

— По Курска-ай Ма асковского ай дороги-и.

— По насни грозна-ай крутой

— Среми ительна-ай поеза несется а

— Посторонися, уступа дорогу темной громоздкой фигуре.

— С-его-оп, забуксовала машина.

— Панфилич!

— Он самый, в полном составе.

— Здорово дербалызул! Смотри, в каталажку угдишь.

— Кто, я? Мила-ай, за что меня в каталажку? Кто наломой начальник? Никто! Я в своем проулке, вrede как за губернатора!

— По Курска-ай Ма-асковской дороге?

— Мне до дому шаг шагнуть. Сядь, посидим. Где у тебя Анто? Сбежал Антон или как?

— Не знаю.

— Не знаешь? Хм. Плохо, да... Жалсбу имю к Антону. Обидели меня, мать их курву. Дочку мою, Катю, заарестовали, пришли и заарестовали.

— Ну ладно, погоди, — грозился он, пытаясь подняться со скамьи, — Мы им пропишем решен!

Шарит по карманам, отыскивая бумагу, рассыпая на колени махорку.

— Что скажешь, а? Ну-ка, заверни-ка, брат, ослаб я. Хе-эх. Жалко, брат, Катюху, да... Знаешь Катюху?

— Знаю.

— То-то, бой-девка, что хошь спроворит. Погубили ее, как их? Мать их курву, прокламашки эти самые. Брось, говорю, Катя, завяжешь свою голову, хе-эх.

— Иди спать, Панфилич.

— Что, я, спать? Ннет, Андрюша, у меня теперь во всех суставах тоска, невозможно мне спать, один я остаюсь...

— Я, говорит, не могу бросить, папаша. Россия гибнет под пятой самодержавия...

— Ты куда же? Пстой, посиди, друг. Не хочешь? Ну, вались, чорт с вами со всеми, сапалисты. Все твой Антон, да эта шигалка — Надька. Я бы вас, чтоб вас!

— Ладно, Панфилич.

— Ага, слушать не желаете, хе-эх вы!

— На а Курска-ай Ма-асковская-ай...

— Старухи нет, дочки нет. Черти с квасом выхлебали. Слобода!

Панфилич пьяно всхлинул и опять выругался.

Соколовский переулок остался позади. Андрейка свернул влево, выбрался на пригород и решительно шагнул к дому.

Подойдя, сунулся к окну, огонек заморенным пятнышком, слабым и беспомощным, едва справляясь с темнотой, за ним колыхалась расплывчатая тень матери.

— Не спит, все богу молится об Антоне.

Подожел к открытой калитке большого двора и остановился: нечего дома делать, спать только.

Снял шапку, раздумывая, опустился на скамью.

Занрал ветерок, завертелся, зажал, падая в подворотню; поднялся и, путаясь, лез между ослепленными ветвями редких деревьев, выстроившихся вдоль улицы. Попозали в небе тучи, задергивая черной кошмой лупоглазые звезды.

— Тучи все ниже. С края площади, где

испуганно вздрогнул, скакнув в сторону

мотался верхом на лошади дежурный полицейский, встала высокая белая стена. Андрейка надел шапку, поднял голову. Прямо в лицо нежно ударили легкие свежинки; достигая земли, они, окружившись, сейчас же таяли.

— Опять слаять разведет, — недобролюбно пробурчал Андрейка, — вот наказане.

Встал, оглянувшись на окна: огонек все еще светился, а дальше падала грязносерая угля.

Повернувшись по двор, почувствовал легкий толчок, испуганно вздрогнул, скакнув в сторону. Но тут же позвал тихий, знакомый голос — Андрейка, иди за мной.

Мимо мелькнула стройная женская фигура в мужской низкой шапке, в коротком пальто. Догнал.

— Надя!

— Иди позвди, дальше, дальше, — послышалось в ответ.

Андрейка задержался. Впереды мало заметной точкой девушка — товарищ Надя, и спешила за ней, не отставая, и не отставал.

Точка скрылась за углом в Триндинский переулок.

Под мерные шарканье звуки шага думалось: прождет мать, всех соседей взбудоражит теперь.

— Провали сыновья, вот тебе и сыновья! Лови глазами Надю. Куда она все-таки торопится?

У Панфилича Катя такая же. «Стремительный поезда несется» — вспомнилось ему. Ха! Чудак Панфилич, а песня верная. Катя — она такая, только глядит иначе, чем Надя, несветлая, все сунится и молчит.

В холодном ветре заокостенела ночь густее, как развешенная шюла.

Теперь ближе к Наде. Зачем же через лесной склад, тут в яму влупаться можно. Хотел остановить и сказать, остановилась сама.

— Устал?

— Нет, — и отирает пот. — Куда идем-то?

— Потом узнаешь.

Между полениц дров и штабелей теса, быстро, почти бегом.

Нырнули под вагоны, запахавшись, выбрались на откос.

Стороной пошли пакгаузы, а дальше редкие постройки; ветер забегал бойчее и все кружила, все рвал, пока Андрейка и Надя не скрылись в аллеях и кустарниках Питерского шоссе.

— Кажется благополучно,— проговорила Надя.

— Садись. Фу, какой конец прогнали.

Сели на влажную от снега землю между исколеченных садовыми ножницами кустов. Пусто кругом и печально.

Небо—грязная котловина, тихо умерли звезды. Близкий город притаился, огней нет. Огромный, большой силы зверь закрыл глаза, унял дыхание, но судорожный ужас идет далеко вокруг.

Андрейка тоже открывает опустошенные темнотой ночи глаза. За спиной чуть вздрагивают кусты оголенной акации.

Теплая мягкая рука охватила лоб. О-о-о-о, ты же мокрый, какмышь.

— Ничего...

Ветер заел тихо, как хорошая музыка; мягко звенят сучья деревьев, пересмываются.

— Еще немного и на месте.

— А... Куда?..

— Ты что, задремал? До конца аллеи, потом по Старой Башинловке.

— К Антону?

— И к нему, и к другим, там увидишь. Теперь некогда объяснять.

— А я вас сразу узнал, когда вы прошли и заговорили.

— Да? Ну, идем, идем.

— Я сначала думал к вам опять.

— Там теперь слезка, туда нельзя.

— Там теперь слезка, туда нельзя.

— Там теперь слезка, туда нельзя.

— Там теперь слезка, туда нельзя.

— Там теперь слезка, туда нельзя.

— Там теперь слезка, туда нельзя.

— Там теперь слезка, туда нельзя.

— Там теперь слезка, туда нельзя.

— Там теперь слезка, туда нельзя.

— Там теперь слезка, туда нельзя.

— Там теперь слезка, туда нельзя.

— Там теперь слезка, туда нельзя.

— Там теперь слезка, туда нельзя.

— Там теперь слезка, туда нельзя.

— Там теперь слезка, туда нельзя.

— Там теперь слезка, туда нельзя.

— Там теперь слезка, туда нельзя.

— Там теперь слезка, туда нельзя.

— Там теперь слезка, туда нельзя.

— Там теперь слезка, туда нельзя.

— Там теперь слезка, туда нельзя.

— Там теперь слезка, туда нельзя.

— Там теперь слезка, туда нельзя.

— Там теперь слезка, туда нельзя.

— Там теперь слезка, туда нельзя.

— Там теперь слезка, туда нельзя.

— Там теперь слезка, туда нельзя.

— Там теперь слезка, туда нельзя.

— Там теперь слезка, туда нельзя.

— Там теперь слезка, туда нельзя.

— Там теперь слезка, туда нельзя.

— Там теперь слезка, туда нельзя.

— Там теперь слезка, туда нельзя.

— Там теперь слезка, туда нельзя.

— Там теперь слезка, туда нельзя.

— Там теперь слезка, туда нельзя.

— Там теперь слезка, туда нельзя.

— Там теперь слезка, туда нельзя.

— Там теперь слезка, туда нельзя.

— Там теперь слезка, туда нельзя.

— Там теперь слезка, туда нельзя.

— Там теперь слезка, туда нельзя.

— Там теперь слезка, туда нельзя.

— Там теперь слезка, туда нельзя.

Идут молча еще несколько минут, кончались аллеи. Слева бега, направо Старая Башинловка. В тени уснувших домов темней и как будто еще пустыней. Впереди частый топоток Надинных торопливных ног.

Наконец, Надя остановилась, чутко прислушиваясь. Продвинулись вглубь переулка еще шагов на двадцать, нырнули в узкий, почти незаметный в темноте, проход между каменной стеной и казарменного вида домом.

Тихий, короткий свист и покашливание.

— Свои, свои. Семь, сорок пять.

— Товарищ Утробина? Здравствуйте!

— Ну, что там?

— Подходят, положим не знаю—все ли.

Вы тут аккуратней, воды зачерпнете, держите стены.

Шли, ошупывая ногами землю, через короткий промежуток пискнула на ржавых петлях калитка, перешли небольшой грязный двор с густым запахом болотной прели и скрылись под навесом. Надя толкнула перед собой и открыла дверь, пропустила Андрейку; долго шарилась в темноте, что-то отыскивая, чиркнула спичкой и зажгла фонарь.

Андрейка осмотрелся, увидел разбросанные стулья, кипы рогожи и разный хлам, покрытый пылью и паутиной. В углу валялся большой опрокинутый стул.

— Чорт его знает: чулан, не чулан.

Надя поставила фонарь, и отодвинула стол в сторону; открылся узкий проход в подвал. Осветив дорогу, спустились вниз, стол снова поставили на место. Теперь находились в просторной комнате, обитой толстым

желтым картоном. Стоял тут, покрытый брезентовым, типографский станок, по углам и на полках лежали кипы бумаги.

Андрейка уставился на Надю.—Куда же мы попали-то?

— К себе,—сейчас узнаешь. Запомни ход, не один раз нырять придется.

Надя прошла в угол и стукнула отчетливо и громко два раза.

К великой Андрейкиной радости, совсем ясно послышался голос Антона.

— Который час?

— Семь, сорок пять,—ответила Надя.

— Пароль,—дождался Андрейка.

По ту сторону стены зашבורились, шелкнул замок, часть стены в соединенных картона пошла вверх.

Подтакнув ее в Надю, Андрейка угодил в сильные руки Антона.

— Здорово, товарищ Андрей!

Не успело глядеться, почувствовал, что летит вверх. Чуть не ударился затылком о потолок, дрогнул ногами и мягко сел на койку. Наклонившись к лицу, улыбался Антон.

— Разведывай. Сейчас выведу тебя на показ товарищам,—и взял Андрейку за руку.

Высокая, большая комната, кругом кресла, стулья, столы, на полу толстая узорная клеенка, по стенам картины.

— Вот вам и связь, товарищи.

В ответ густо, но сдержанно засмеялись.

— Нашего полку прибыло...

Андрейка недоумоенно поводит глазами и не мог разглядеть: где он находится. Все по-господски—и стулья, и мягкие кресла, а товарищи как будто те же: вон Ларька Шумилин, Михаил, Чуев, Гурвич и еще человек двадцать различных умов людей. Среди них двое военных, в офицерских погонах.

Андрейка несмело прошел в угол и сел рядом с какой-то женщиной.

— Чертовина,—подумал он;—зачем офицера здесь, чудно что-то.

Размышления прервал один из присутствующих, коренастый, бритоголовый человек; широкая слегка выгнутая спина, длинные узловатые руки и открытая волосатая грудь делали его похожим на передового борца. Вся фигура и даже самый голос, окаящий и низкий, говорили о большой физической силе.

— Сегодня двадцать девятое ноября, товарищи,—загудел он—четыренадцатый ден прошло с того, как покинул крейсер Очаков. Я был свидетелем того, как царский палач Чухнин сделал свое дело. Лучшие товарищи порастрелены. Мы повзвезали на гарнизон, на матросов других кораблей,—пропало все пропадом. Били батареи, бил гарнизон. Стрел Очаков, на глазах у людей стрел. Матросы бросались в воду, их постреляли из пулемета. Кто выплывал, ловили на штыки. Весь Севастополь глядел—царская расправа на показ.

— Товарищи, докуда же терпеть нам? Рабочие Москвы должны положить конец этому уйству. Матросы черноморского флота послали меня передать вам, что они будут надеяться на вашу победу.

Говоривший умолил, взволнованно передергивая плечами, зажатая трясущимися руками трубку.

Округлив глаза, слушал Андрейка. Перед ним пузырилось огромное море, страшное, с седой гривой вола. Волны лезут друг на друга, сталкиваются и гремят. Посредине большой корабль, он полыхает в огне со всех сторон, от огня вскипают волны; люди бегают и кричат: братья-товарищи, спасите! У Андрейки по спине поползла мошара, на лице капельки пота, ноги судорожно подергиваются, как в лихорадке.

— Разрешите, товарищи! Я имею другое сообщение,—прервала молчание сидевшая рядом с Андрейкой женщина, бойко вскакивая со стула.—Имею другое, да. По приговору Саратовского комитета социалистов-революционеров убит генерал Сахаров. Наша партия идет другим путем: мы мстим нашим врагам, мстим беспощадно, не канфолимся. Организуя крестьянские и рабочие массы, надо уметь устранять все препятствия.

открылся узкий проход в подвал

Единственный верный путь: товарищам матросам нужно было начинать с его головы.

— Ах, да какого чорта, товарищ Ревкина, раз'езжаетесь вы по принципиальным волосам,— не слдерживаясь оборвал Антон.

— Что вы суете нам террористические акты!

— Да-да и суем.— за хлебны вась обилием слов, выкрикнула Ревкина,— будем совать. Мы умеем бороться, умеем умирать.

— Ффу, дьявольщина, интеллигентский героизм, баварский квас: умеем бороться, умеем умирать.

— Воробинный пашок,—оставил Гурвич.

— Вот — воробинный, правильно. И говорят же люди — удивительно: умеем умирать, а нужно уметь организовывать, мы и собрались сюда затем. Выпачкаться в крови, ко-гда хочешь можно...

— Скажите — какая чистоплотность! — Да, постыте вы, черти...—загоричил Лярька — гимназист.

— Ну убили Сахарова, ладно, а по-моему надо под корень. Мы вот артелью привыкли орудовать. Надо будет бить — будем. Чего об этом талдычить? Не понимаю, говорили — довольно. Я, товарищи, предлагаю приступить к распределению обязанностей, нечего тут закручивать: мы, вы,...

Из речей и отдельных замечаний можно было понять, что сведения из других районов города поступали слабо, связь была не налажена. Печатались ненужные прокламации; имевшееся оружие перетаскивалось с места на место; была боязнь за конспиративную квартиру и не было настоящего доверия друг к другу. Откуда-то приезжали делегаты, кричали, жаловались, требовали агитаторов и указаний. При всем этом поодому свирепствовала полиция, наполняя участки без разбору правыми и виноватыми.

Москва походила на заперившуюся в башне купчиху.

Из-за стола поднялся представитель Хамовнического района. Он внимательно оглядел собравшихся и потряс четвертинкою испанской бумаги.

— Вот, товарищи, письмо из Петербурга; самое важное в нем то, что Петербург готовится ко всеобщей политической стачке. Связь между Петербургом и Москвой установлена. Будем действовать по общему сигналу. Некоторые время придется выждать.

— Жванки прождали, — швырнул кто-то раздраженным, злым словом.

— Вот вы кричите, а поживаете, товарищи, نابок, заметил старий железнотролжчик. — Уж верьте мне старуху, так лучше будет. Еще то поимейте

и заводом, он устал от речей, слов, галдежа, от усиленной работы мысли. Глаза сели вглубь и плавали в искрающейся мути; полуодуленный и оборвавшийся, он уже не мог говорить, его все время дергало и карежило, как человека стянутого ревматической боллю.

— Брось, Очеров,—пошлились возражения,—поджилки затряслись видно! Ты знаешь, что сейчас между солдат творится? Знаешь? Ну, и полезай, брат

и заводом, он устал от речей, слов, галдежа, от усиленной работы мысли. Глаза сели вглубь и плавали в искрающейся мути; полуодуленный и оборвавшийся, он уже не мог говорить, его все время дергало и карежило, как человека стянутого ревматической боллю.

Он болнул головой в сторону Антона и отвернулся, глотая широко открытым ртом струю холодного воздуха, падавшего через узкую оконную форточку.

Кто-то засмеялся и свазал: — уместовался.

— Ах, если бы завалились спать.— бормочет Гурвич, едва улавливая смысл произносимых Антоном слов.

— Вот приблизительная схема наших действий, мы...

— Ах, если бы завалились спать!

— Должны, чекапит Антон,— проведи ряд митингов: у Цициеля, Кушнарива, Сытина, Сиу и на Прохоровской.

— Ну, это — Гурвичу.

— Товарищ Утлобина, Ревкина и Шумидина остаются

Тише, товарищи, тише... слышите, стреляю

в солдому. В Ростовском полку восстание, должны мы не упустить случая или не должны? Нет оружия! Ты говори — смелости нет. Теперь уж некогда оучи сушить, забудь думать солнышка жаль.

Озеров отмахнулся, его никто не поддержал.

— Как бы ни было, товарищи,—чутко прислушиваясь к разговорам собравшихся, продолжал представитель Хамовнического района,— но тут видно ничего не поделаешь. Я отлично осведомлен о боевом настроении рабочих, и боюсь, что мы можем сорваться. Меня послали к вам, пресненцам, с тем, чтобы вы сумели удержат товарищей от частичных выступлений; нам никак нельзя расстраивать силы.

— Удержись, — снова послышались возгласы,— как же. Не ет уж, если поперло, так поперло, конечно!

— Где там, не уговорись.

— У нас, товарищ, не народ — утюги, черти, зный подкладывай — все раздвять.

— Позвольте, товарищи, — остановил Антон усиливающий шум, — дайте говорить.

— Валий, валий, горюх в стену.

— У всяком случае, товарищи,—заклучил оратор,— мы должны принять все меры к поддержанию дисциплины и нечего тут разводить анархию...

— Это дельно.

— Давай, Гурвич. Планиуй, твое дело.

— Ну, что же! Почему? Мое митинговое дело. Антон работает уже, это же факт.

— Ты горячелся тогда, збыл.

Но Гурвич не ответил. Заморенный, измучалвшийся, как старий бинный реник, в постоянной беготне по фабрикам

здесь работать в типографии, придется обслуживать все районы; Андрейку приспособим для связи между Пресненским, Хамовническим и Рогожским районами. Важно еще знать о настроении в войсках, может быть товарищ Антохин осведомит нас?

Не поднимаясь со стула, отозвался смуглый, похожий на пыгана, офицер. Ниже среднего роста, почти мальчик, он производил впечатление скромного и тихого человека. Его тenor, мягкий и нежный, едва был слышен.

— Видите ли, товарищи, трудно, конечно, сказать относительно всего полка, что же касается моей полуроты, то, разумеется, я бы...

— Как ты мямлишь, Саша,—вмешался другой офицер,— вот уж, ей богу, манера у человека. Надо прямо сказать, товарищи, что полурота товарища Антохина вполне подготовлена, куда угодно пойдет. Сашка напрасно скромничает. Самий Ростовский полк...

— Гробовский, Гробовский, ты увлекаться,—замаяхл сберви руками Антон, и даже ногий топнул в волнении.

— Я — горячился, Гробовский, — но чорт же тебя возьми!

— Тише, товарищи, тише,—испуганно вскомил на середину комнаты Гурвич,— стреляют, слышите? Там же стреляют!

— О, чорт! А где часовой? Тушите огонь, тушите!

Андрейка бросился к лампе. В наступившей темноте, спотыкаясь и падая, проходили скрытым ходом. С улицы послышался свист, кто то невидимый постучл в стверь. В форточку, как в рупор граммофона, завенело слово: слыва!...

БЕССТРАШНЫЙ БОЕЦ — РЕВОЛЮЦИОНЕР ГР. КОТОВСКИЙ

СЕМЕН СИБИРЯКОВ

ОТЧАЯННЫЕ побеги Котовского из Кишиневской тюрьмы держали в первом приближении тюрьмы начальство. Оно приглядывало все меры и тому, чтобы добиться перевода его в другую тюрьму. Наконец пришло распоряжение из Главного тюремного управления об отправке Котовского в Николаевский каторжный централ.

По дороге, в Бирзуле, встан властью встречная партия одеситов Савьяно выделялся каторжанин с жестким взглядом черных глаз. Это был изобемзвестный Опала Павка „Грузина“. Пробывание с ним пересыльные не знали его черной деятельностью.

Котковский познакомился с „Грузином“. Сговорились бежать из Енисейстрелаской тюрьмы, где предстояла остановка.

Енисейстрелаская тюрьма была расположена в центре города. Из тюремного подвала, куда загляли партия, окна выходили на улицу. Обдумали план. Решили перевести решетку, выбраться, обезбужить часового и... впрохй несчаю!

И вдруг, почти в последнюю минуту, за день до обычно установленного по гасясяюю времени, партия вывалила на отпарку. Котковский был крайне отгорчен. Он готов был прилпасть эту несчаду случайному обстоятельству, но дальнейшие события отключил ему глаза на истинного виновника провала — Павку „Грузина“.

Говорили, что Павка „Грузин“, испугался отчаянного плана, что в последнюю минуту у него „глаза отшатнулись“. Говорили, что он прикладывался желанием бжмать лишь для того, чтобы выведать план у Котковского и передать. Этим он надеялся заслужить себе сокращение срока наказания.

Возможно, что Павка „Грузин“ подозревал, что Котковский знает о его роли палача, опасался, как бы Григорий Иванович, очутившись по ту сторону тюрьмы, не „пришпик“ бы его...

На вокзале кивновыше взяли Котковского в отчаянный вагон, тщательно обыскали его, и в подметках тюремных котов нашли пикаи...

В Николаевском центрелере царя строгий режим. Практиковалось же-

сткое наказание, применялись розги. Кроважидные тюрьмации с ветеранием ждали прибытия Котковского, готовили ему кулачный прием...

Прочитав статейку в списке прогрессивного атамана Котковского, начальство отпарил его с отборными усмирителями в одиночку. Подожали ка предазаначенной однокоче; тут зшь псы накинудили на него, но жестоко ошиблись в расчете... Котковский схватил за шиворот двух надзирателей и так треснул их обоих друг о друга, что у остальных отпала охота приближаться к нему на близкое расстояние...

Павку „Грузина“ изолировали в „Сучий куток“. Зимой 1911-го года Котковский из Смоленской каторжной тюрьмы был отпаран в Нерчинские рудники.

Патрию отпарали в Сретейске через Шиняку. Из Сретейска на Горный — Зергунь через Шалупутую Шти пешком, по 40—45 верст переход.

„Блатные“ ругались и в пененку, и в селазьку, и в требушину и в колесо-тово...

Устала и рабнтая партия не начала добираться до отады. На перелазх палала от изнеможения. После пятинумного отады снова познамались, шия, шля и, казалось, не бдет конца этому суровому пути.

Налетали ветры, свирляло дымляное от злой парги, ожидил от холода козлиные, ступале палчи болящие и истощенные. Лашь один Котковский, презрительно отбрасывая колыба камналов, как бы состязался с морозом, шгала бжоро вперед. На отаповлах Григорий Иванович без рубашки ложился на бжый снег, как на тернину; удалялись кивновыше... Такую легкую пещазиря с розу не выдали! Беспокойно гадилси на отажного спометна, опасались, как бы си не задал козу. Вазолули отбегичево, когда сдали таярую.

На Казакских припиках свирепствовала тосто-бжоржий начальник, подполковник изверг Евтия.

За малейшую провинность порони чтед два-третьего. Особенно отличился здоолевенный надзиратель Винокуров — правая рука Евтия.

От зтаков обжычноне оставали для работы самых сильных, остальных плавн

Г. И. Котковский

далее. Котковский оставил на Нерчинской каторге.

Три года работал Григорий Иванович на Нерчинских рудниках. Три года готовился к побегу, и весной 1914 года, работая на подаче пещков, удачно момент, си выманулся на двух кивновыше и скрылся в зелено-хвойный лес.

Осенью 1914 года Котковскому удалось добраться до роной Бессарабии. В продолжении почти целого года он работал на кирпичном заводе. Бессарабийский побегив был получены известия о бегстве Котковского. Для поимки его была поставлена на ноги жандармья ряд. Григорий Иванович проведаль об этом и поинча соотвествующие меры. Но случайно позиция палала на его следа.

После одного из свих известий из имени Григорий Иванович встретил крестьянина, который шел в город пару волов. Узнав, что крестьянин в силу нужды велт их на продажу, Котковский для ему несколько сот рублей и посоветовала вернуться домой. Об зтом стало известно на селе. Крестьянина арестовали. В отаке си поинчили ему фотографическую карточку Котковского, и он ушел его. Кинулись по горячим следам, во тнщно — Котковский уже в противоположном конце губернии успел совершить новые насты и испугать став помещиков. Жандармы бросались туда, а си по подложному виду успел устроиться управляющим в имения.

Заклятые враги Котковского, пристав Хаджи-Кодя, жандармы и поинцевские кивновыше, послову, и в конце июля 1916 года Котковского несчадно схватили и под усиленным конвоем доставили в Кишиневский тюремный замок. С большими предосторожностями перевели в Одессу. На зтой ряд военно-охранной силе пригрозил Котковский о смертной казни. Диковали поинцики. Царские арнаствительно пожелали ржк навсегда избавиться от своего опасного врага. Зорко стерегли тюремщики. До казни осталось несколько считных часов. И вдруг грянула Февральская революция...

Под влпором бжвой стихии раскрылись тюремные воньса, и Григорий Иванович Котковский, вырванный из рук смерти, с триумфом поинчу кошмарные стены тюрьмы.

Много героических подвигов в Красной армии совершил Котковский, но самым отажным и сильным был захват в июле 1921-го года, в Тамбовской губернии, крупной банды Ивана Сетуневича Матвеева. Бандла — гордасть и сила плавн Антонова, — состояла из 14-го и 16-го бандитских кавалерийских полков.

Как Котковский ликвидировал ее, рассказывает бывший красноармеец кабригады Котковского, Кольмеев.

Котковский схватил за шиворот двух надзирателей...

В июле 1921 года Котовский был вызван в штаб сомнительного армейца, тов. Тучаковского. В штаб был доставлен из Москвы агентами ВЧК бывший начальник штаба Антоновских войск, Эго, который и попал в плен. Тов. Тучаковский предложил Тучаковскому использовать Эго по своему усмотрению. У Котовского родился отчаянный план—завлечь и уничтожить базу при помощи ее бывшего начальника. Эго был доставлен в полевой штаб бригады.

10 июля ночью Котовский взял один эскадрон стариков бригады, приказав всем продвигаться в красном плаще, приказав входить в лес, принять вид казаков, и вместе с Эго вышел в село, расположенное у большого леса. На рассвете крестьяне увидели у себя казаков Кубанско-Донской повстанческой армии, и поспешили самовольно убегать для содействия с повстанцами Антонова. Кузнецкое село почти все было на стороне Антонова и в радости встречало казаков. Котовский излучал свет с бандитами. Начальник милиции был Михаил Сергеевич Матюхин—брат Ивана Сергеевича Матюхина, командира банзистской бригады. Котовский встретил с ним встречу и представился командир Кубанско-Донского повстанческого отряда, войсковой старшина Иван Иванович Фролов. Эго под старым дождем был подвезден к Эго, что он и сделал. Котовский передал письмо Митяи Митюхины для его брата, Ивана Митюхина. В письме он просил встречи лично и предлагал содействовать для борьбы против Советской власти. Отвечившись встретиться на другой день на рассвете в отдаленном от села. Котовский похлопался с Михаилом Митюхиным.

Возвращаясь к оставленным частям бригады, Котовский собрал казачьи составы и приказал ухватиться все значки и знамена первому попавшему в руки красным казакам, второму—одеть бараний шапкин.

Котовский сообщил подробно о своем плане, да инструкции, как вести себя в селе, где предстояло встретиться с бандитами:

- С этого момента—я не Котовский, я ныч—не коточки. Я—атаман Фролов, а вы—казаки Кубанско-Донского повстанческого отряда.
- Ботва, кому пора! революция и честь красного бойца—за мной!
- Самые духом могут остаться!

Службы не оказались. И это еще больше сплюскало Котовского. Утром в голову выкатились пули, захотелось скорее в смертной схватке стукнуться с врагом.

На рассвете прибыли в село, находившееся в нескольких верстах от леса, в котором скрывалась база Матюхина. На звонкой карьере Котовский сказал, что незадолго до его приезда в село был сын Иван Матюхин и оставил у четырех верных бандитов для него письмо: в письме он приглашал его пожаловать для содействия в лес. Взяв это предание, Котовский решил, что в лесу, где бандиты известны какому-то трюкачу, план затвора всей группы может кончиться неудачей. Никогда вполне письмо Матюхины, как указал ему на неудаче. Ему, мол, встреча в лесу с трюкачом и с большим обломом в тучах неудачей—трудно будет справиться дальше. Настойчиво предлагало Матюхино свое группой прибыть в село, откуда и начать совместный поход против красных. Подтащил письмо, заставил подниматься под письмом и Эго. Письмо было отправлено с военкомом полка тов. Захаровым и командиром взвода тов. Симоновым. Сопровождал их к Матюхино один из четырех верных бандитов. Между тем, оставшиеся три бандита зорко осматривали бригаду, выходящую, расширяющую бойцов, «стационари», чужие дисциплинарные красноармейцы, ныч не выдалая себя. Руками прокладевет советы, пели белогварейское «блочко»...

Поздно ночью вернулись посланные к Матюхино Захаров и Симонов.

Осторожный Матюхин, и на это раз опасаясь ловушки, потребовал, чтобы атаман Фролов (Котовский) явился к нему для личных переговоров и вездешно с бывшим начальником штаба Антоновских войск, Эго.

Котовский задумался. Он знал, что стоит Эго едва удюжиным движением хвату бандитов, и он будет схвачен и растерзан на куски, но другого выхода не было.

Взяв с собой Эго и двух верных товарищей, Захарова и Симонова, Котовский шел на боевое задание кона «Орника» и тронулся в путь. Вышел из села. Котовский еще раз предупредил Эго, что при малейшей попытке предатель-

ства, он будет убит, что с этого момента, как они войдут к бандитам, он должен быть рядом с ним, ни на шаг от него не отрываться. Эго дрожал, как в лихорадке, в голове боролся преступные мысли и жажда жизни. Он чувствовал, что от этого жестокого человека ничего его не спасет, если он предст. Обезолащенный, он слезно тронул волю Котовского...

Черная ночь. Телами ветером сблелает дым каждого. Перед Котковским быстро пронисется его жизнь. 1905 год. Борьба в Бесарабии с помещиками, тюрьма, неудача в соружестве и побег из Кишиневской тюрьмы. Возвращь побег из «железной камеры» вышкой башни. Снова арест. Провал многочисленных поддогов. Нервные муки, убийство двух товарищей. Удачный побег. Он снова в Бесарабии, снова наводит панику на помещиков, снова арестован и приговорен к смертной казни.

Врут из черной тьмы ночи выслала группа асадионов. Они узнали его, пожимают ему руку. Едут дальше. Выстроились колонной, бандит Матюхина встречает. Тот рив Иванювич. Котовский подхал к Матюхино, крепко пожат ему руку и, представившись атаманом Фроловым, начал укорять Матюхина в траде дорогого втемени, в то время как родина требует немедленного и дружного выступления против большевиков.

Жуткая тишина. Бандиты и командный состав истерично ловят каждое слово, слышат звук Рука Котовского в правом кармане, гляят на звезде нагана. Нога чувствует юго Эго и властным нычком напоминает, что глаза Котовского зорко следят за ним...

Котовский круто поворачивает лошадь, приглашает Матюхина следовать за собой, все трогается в село на содействие с казачьями и Венедом, в центре—Котовский, слева—Матюхин, справа Эго, сзади Захаров, Симонов, и теск ко-

манский состав банды, за ними 450 рядовых головорезов.

Вехали в село, казачья ратью встречают бандитов. Для приёма казачьяго состава в штабе все приготовлено. На уставленном угощением столе появляется жгучий самогон...

Выпаял за успешную борьбу с Советской властью. Закусил. Котовский открыл соружение. После него выпутина комиссар тов. Борисов—минный завед партией левых эсеров. В это время красноармейцы, незаметно для бандитов, стратегически обесценивая все время предостережения слухами. Расставая вокруг себя владющую охрану, чтобы никто не ускользнул.

Котовский говорит о необходимости отказаться от открытой соружившей бригады с Советской властью и о переезде в подполье. Матюхина не согласен—Долой Советы, и никакъ.—Политработник Гаври—председатель собрания—говорит о героизме милиции, бандиты возбуждены, явно слушают его. Матюхин—гудит, с зорким выдум и комичными острыми словами, пыльным горлом рычит, что скоро у него будет мощная армия, с которой он свернет голову Советской власти.

Трудно сдержат себя. Напрягается роковой момент. Котовский встает из-за стола, выхватывает наган и стучит по столу. Инстинктивно поднимаются и бандиты Ветист и комиссары...

— Долой коммунку Я—Котовский!

Смертельное дуло нагана вырвалось перед расшнурившим газетку Матюхино. Вспуль в уаис леденит кофю. Он задирает назад голову, закидывает глаза руками и вдруг... сейчас... вотгая... Котовский отшатнулся к стене, отступил шаг вперед. В это время кто то сбив лампу, грому вылетел бандита Котовский ривен в плечо. В окутанной мраком ибе являлася бей. Друз друг друга, бандиты вынулись к рывдан и лаяли под меткими пулями небольшой кучки стойких и смелых комиссаров.

Раскарированные по селу бандиты, выскочив из зат, кинулись на помещиков, но саблянные го всех сторон, были вытеснены в поле и пулеметным огнем уничтожены.

... Долой коммунку! Я—Котовский!.

СОВЕТЫ 1905 ГОДА

(ОТ ОКТЯБРЬСКОЙ ЗАБАСТОВКИ К ДЕКАБРЬСКОМУ ВОССТАНИЮ)

Ю. БОЧАРОВ, снимки Ф. ЗУКОВА и П. РОМАНОВА по материалам МУЗЕЯ РЕВОЛЮЦИИ СССР

ОСЕННИЕ дни пятого года... Тревожно о-ирается вокруг себя правитель-ство. Революционное настроение масса для него теперь вне сомнения. Поднялась крестьянская Россия... „Поземкин“ только на время похоронил свой красный флаг в черноморских волнах, по меткому замечанию Ленина — „остался непобежденной терри-торией революции“... Рабочие в стачечных боях, достигших невиданного еще раз-маха, упорно отстаивают свое право на лучшее существова-ние, бьются за политическую свободу.

Меры за которые хвагается правительство, не могут спасти его положение. Уже при своем опубликовании — в августе — никого не удовлетворяет указ о „булыгинской Думе“¹⁾, мнимо нарцном правительстве, с высшагем учреждении, от участия в котором отстранены широкие массы. Поднимаемый с Японией, кладущий конец войне, мирный договор, договор побежденного только еще раз подтверждает всю преступность боины на Дальнем Востоке, затеванной в интересах небольшой кучки спешавших нажить дельцов.

Успокоение в стране не наступает. Не может наступить. Продолжает свою борьбу рабочий класс в Варшаве ста-чка четвертый раз за этот год становит-ся всеобщей. В Баку усилия власти забастовка превращена в погром, в рево-люция Москва без газет (в типографиях оста-навливаются работы), а на одной из ее центральных улиц Тверской — войска штурмуют дом „булочного короля“ —

¹⁾ Название „Булыгинской“ эта проектирова-вшаяся правительством Государственная Дума получила по фамилии автора проекта министра внут-ренних дел Булыгина.

«ВВЕРХУ: МЫ ТРЕБУЕМ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ»: одна из октябрьских демонстраций в Москве.
ВНИЗУ: ПРЕДСЕДАТЕЛЬСКОЕ БЮРО ПЕТЕРБУРГСКОГО СОВЕТА Раб. Дел. П. Д. Троицкий и П. Ф. Сверчков (вверху) и Г. С. Хрусталь-Нисарь и П. А. Зайков (внизу).

Филиппова, где заселя забастовавшие пекаря. Один из передовых отрядов буржуазно-демократической интеллигенции, — студенчество распахивает двери для политических митингов, тысячи толпы льются сюда, и профессура бессильна противиться превращению буржуазного „храма науки“ в трибуну политичес-кой борьбы.

6-го (19-го) Октября забастовка машинистов Московско-Казанской жел. дороги клад начало всероссийской политической стачке. Это ответ пролетариев — железнодорожников на произведенный в петербурге правительством арест делегатов железнодорожного съезда. За машинистами — рабочие мастерских, телеграфисты, кондуктора, линейные служащие, управленцы... За одной дорогой — другая, третья... В несколько дней замирает железнодорожное движение в стране. А вместе с ним замирает жизнь фабрик и заводов, жизнь учреждений. Рабочи-отходат от станков, служа-

щие — от конторок. Забастовка ширится, вовлекает в участие мелких чиновников, адвокатов, больничных сиделок... Забастовкой страна разрезана на составные клеточки — бездействуют почта и телеграф; — в каждом городе и городке, где вечером улицы погружаются в необычайную темноту, где стоят все фабрики и заводы, где закрыты банки, где пусты канцелярии и даже залы судов, — в каждой клеточке бьется пульс политической жизни. При свете стеганых горячек проходит митинг, произносятся революционные резолюции. Страна требует политической свободы. Страна борется за самодержавием.

ПЕТЕРБУРГ В ОКТЯБРЕ 1905: встреча демонстрации с раз'ездом кавалерии.

О ю вынуждено отступить перед натиском. Испуганный самодержец подписывает манифест 17-го (30-го) октября, возвещающий о законодательных правах Думы, о политических свободах, подписывается с тем, чтобы на другой же день ответить погромами, избиениями, расстрелями, волна которых захлестывает страну.

Тяжесть октябрьской борьбы выносит на своих плечах рабочий класс.

В эти дни он завоевывает тот титул, в котором ему не могут отказать подавленные мощью рабочего выступления буржуазные журналисты: «Его величество Пролетариат Всероссийский».

У него свои руководители — партия и та организация, которая выковывалась в горниле октябрьской стачки:

Совет Рабочих Депутатов.

II

ПЕРВЫЙ в России Совет, предшественник Петербургского, созданного октябрьскими днями, возник еще в мае 1905 года.

Тогда волновался «русский манчестер», знаменитый город текстильных фабрик Иваново-Вознесенск, город с 60.000 рабочего населения.

12-го мая иваново-вознесенские текстильщики начинают свою стачку. Бастиует почти шестидесятитысячная масса, в продолжении двух месяцев добиваясь удовлетворения своих требований. Восьмичасовой рабочий день, повышение заработной платы, длинный ряд экономических требований, а наряду с ними требования созыва учредительного собрания, политических свобод.

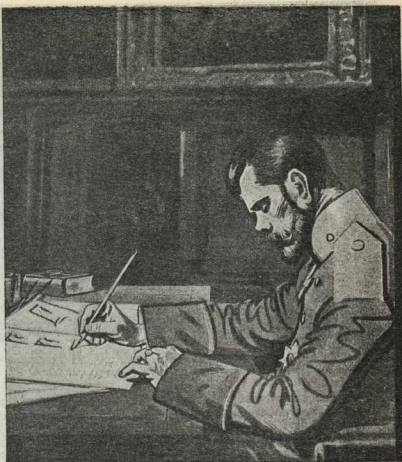
В ходе забастовки складывается новая форма рабочей организации. Стаечники избирают депутатов для переговоров с хозяевами и администрацией фабрик. Депутатов хотят раз'единить, хотят вести переговоры с представителями каждой фабрики в отдельности. Вступающая масса считает их своими общими представителями, настаивает на их совместных действиях.

Так возникает Совет, руководящий стачкой первых же ее дней.

В составе его есть неграмотные ткачихи, но руководимый классовым сознанием, Совет приобретает широкую популярность. К нему обращаются с жалобами окрестные крестьяне. Вынужденный перенести свои заседания за город, на берег речки Талки, Совет становится для всех посещающих его заседания «социалистическим университетом на Талке».

Двухмесячной забастовкой текстильщикам удается добиться удовлетворения части своих требований. Снова гудят фабричные корпуса, и с этого времени Совет прекращает свое существование.

Иваново-Вознесенский Совет и его

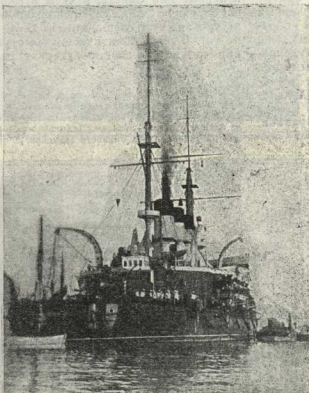
«ЦАРСКИЕ РЕЗОЛЮЦИИ» (комматура из немецкого сатирического журнала 1905 года).

13-го (26-го) октября обращаются ко всем рабочим Петербурга с призывом избирать депутатов, которые на каждом предприятии составили бы фабричный или заводской комитет, а вместе — «общий рабочий комитет Петербурга».

На другой день собирается первый пленум.

Над созданием Совета трудятся меньшевики. Но уже резолюции первого же пленума откидывают меньшевистский ярлык — «рабочий комитет» и называют новую организацию — рабочим Советом. Еще через день в Совет входят большевики.

Обстановка в ее общей стачки делает Петербургский Совет руководителем политических выступлений избравшей его рабочей массы. Высоко поднявшееся революционное настроение может привести эту массу вплотную к вооруженному восстанию. Совет этого не сделал. Он, как еще в 1906 году говорил один из его руководителей — Тройцкий — «организовал

СПРАВА: Броненосец «Потемкин»-Таврический на рейде.

СЛЕВА: «ОКТАБРЬСКАЯ ИДИЛИЯ» — рисунок М. Добужинского из сатирического журнала «Жупел», 1905 года.

попыляющегося положения органа, руководящего политическими боявыми выступлениями рабочего класса.

III

ИМ БЫЛ Петербургский Совет. Представители фабрик Невского района на своем собрании

массы, руководил политическими стачками и демонстрациями, вооружал рабочих... Он был или стремился стать органом власти? Теперь, перебирая в памяти далекие октябрьские дни, отдаленные от нас двадцатью годами, или перечитывая то, что писали члены Петербургского Совета, четко рисуешь себе, как постепенно он сводил на

СТИХИ О ДЕРЕВНЕ

РОДИОН АКУЛЬШИН

Посвящаю лучшему другу моему Дожжу Атамузову.

П Е С Н Я

Дорогою тихо с сернами
В палатках молочного цвета
И в ялаотках, пахнувших медом,
Девцям по улице шла.

Протяжная грустная песня
Будила и старых и малых,
Раскрылись жалитки и окна,
И люди бежали с двора.

— Какая хорошая песня,—
Шептала, вздыхая, старуха,
— Когда то и мы распевали,
А скоро—на вечный покой...

Мешочки у всех за плечами,
Работать не страшно девицам,
А если работы не будет,
То песня домой приведет.

Все тише, и тише, и тише...
Она в переулок свернула...
Но видно, как доброе солнце,
Проснувшись, целует серны.

Счастливой и легкой дороги,
В час добрый работать на полях,
Чтоб осени в бусах и палатах,
И новые ленточки надела.

Чуть слышно... Затихло... Лугами
Проходит девцям вдоль реки.
А бабы стоят у калиток,
И песни не смолка для них.

Она отлучалась, по в сериде
Разуженем годем бывала,
Вернулась с работы девицам,
А молодость как возвратилась?

Ушла... Только след на дороге,
Кончается такое утро.
Ушла... Поднимается ветер—
И время калитку запер!

О Ж И Д А Н И Е

Далеко от шума городского,
Где весною яворочков трели,
На опушке леса кыраула
Заросла малиной, сиваякой.

Затаялась лаской повильно
У окна, у матери заботы,
Перед смертью с сыном приваляться,
Молоком текут воспоминанья.

Каждым летом вишни и клубники
Мать готовит вощины мешочки:
Сын приезет,—чем с пирогами
Угостит она его на славу.

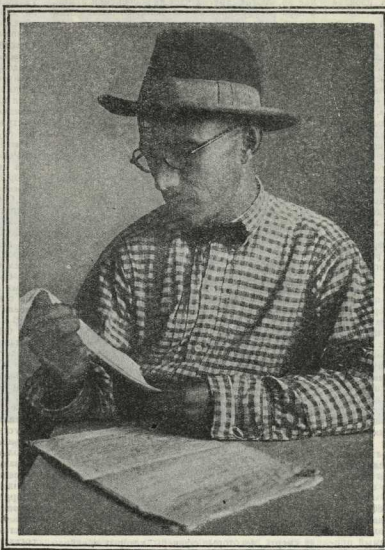
А старик зимой кипляки ставит,
Ловит лис и свежих горностаяв:
Выбьет мех на вареники и шинку,
Будет сын не хуже коммисаря.

И когда в трубе гудят вестяе,
На икону молится старуха,
— Ну-ка сын в дороге заблудился,
И в степи глухой заколеченет.

Ждут... А влесенья ягоду покрывла
Точит моль лесному, горностаяв,
Снова рвать душистую клубнику,
Снова ставить на зерек калыканья.

Б А Н Я

Субботний вечер пахнет дымом.
На жаруние кара—ворона.
Большого дедушку Акина
Понизла лещи жена Аласья.

МОЛОДУШКА

Все бегут, слышно где то пылает.
Васья Васильев в деревню приехал.
Не один,—с молодою женою.
Что за краля,—пойти поглядеть.

Ревбитши толкают друг друга.
Бабы ходят, как будто по лесу,
А девцям подаль прохолод:
Неужели не взглянет в окно?

Когда в город поехал, поклялся,
Что жениться придет в деревню...
Знать, словам не хозяин Васильев,
Ишь завойба пригладилась вяс.

Вышла баба. Ее отбугуши.
— И не знаю, на что оно пойдяство:
Тонкорыла, ровно синица,
Ростом—Васье не сует до плеч...

— Может, платье из бархату шитое?
Тоже скажут,—Простая саринка.
— Может, колчан на ней золотой?
— Час глядела,—все пальцы пусы.

Диво-дивное,—думает девки,—
Верно, корнем каким ворочьял,
Верно, загоров знает секретный,
Если Васюк злободя вяс*.

Вон другая выходит в кибитку,
Головой сокрученом качает.
— Слышь, на фабрике деву примитя,
А в деревню для «смычки» привез.

Крепко-крепко задумались девки,
Что за «смычка»—кумылка долго.
Выходит из-за чина, Басарий,
Выводит молодуюшку свою.

И когда до полуночи легкой
Окружат тебя пария и девки,
И когда твои речи усамшит,
То любовь твою скоро поинут.

СТРИЖЕНАЯ КОБЫЛА

Было раннее утро. Дымился трубы.
Шекотали в носу заварные олавы.
Варуг бежит по дороге гисала кобыла.
Только где же ее грива? Где хвост у нее?

Кто-то селала нарочно, чтоб каждый увидел
От козьяского дома кобылу подальше.
И пустиа по дороге. Новыиши мухи,
Только на окошечко не стонящи с беара.

— Э! смотрите, смотрите,—кричат ребитши,
Мужики явито выловили от смеха.
А кобыла, селом пробжева, у калитки
Жает, когда ее впусчат хозяйка на двор.

Незароявляю что то Настасье в то утро,
Она печку совсем распольте не хотела.
Разбоялая сыншину—Волькаша, что дрыхнешш
Повинамьяся, гидулашу пора воянот.

Погянувшись, глядалься хозяин париньяши,
Под скамейкой ваялься голубеыишй пояс,
Полошея подояваться, гидулу в окошко.
И, как будто от смерти, шарылауся прочь.

— Ой, мамношко, глян-на, глян-на, поспорее,
Мать ушла с кровлю... вопить привялсья.
Плечут мать и париньяша... Себялелься соседки,
А гидулаша печально стоят у ворот.

А потом ее в поле пастись отогнали.
И другие кобылы как будто стыдьялися,
Что подурата придумала новую моду—
По-дядюскому обрезала гриву и хвост.

Сосунки, стригунки жеребяти резылелься.
У гидулы бесхвостой хавялься ребра.
Кто утешит Настасья Труновной горе?
Много времени нужно, чтоб хвост возмузда.

У старика мозжит в суставах.
Кляк шином, кодет в поинсече.
Порота страшинов орава,
И до сит пор об этом ситяе.

Козульея сторбился бичи
С водословнятам желтым глазом.
Душистым паром в щели тивет...
— Попарю, будет легче сразу.

Алена дедушку раздела,
Натерла синюю реалую горюю.
Зачио благодетую тело—
В рубцах и рытвинах от порки.

Шнит на камечке булыжник.
В углу—тепло. Крахтит подмошки.
И венчик трап-отую брызжет,
На животе—листок березки.

О ам,—обрезовые роши,—
Приют митежников деревня.
А бабка дедушку поощет,
И якс ее светает деревни.

Вервуть бы жизнь, зажить бы снова.
Благословите старика жуку:
За полеть не севует корову,
Не закуют за правду руку.

— Лавай, еще разок попарю...
И шлепелся велек сочяны.
Заржа в сердце мерия кария,
Замельтепьялся теши ноци.

Кобыле заплетала косу,
Застраив тихо под навесом,
И звезды уронила росу,
И запад стал совсем белесым.

ЮНОША—ДЕКАБРИСТ

Очерк С. ШТРАЙХА

В ДЕКАБРЕ нынешнего года исполняется сто лет со времени первого русского вооруженного восстания на территории царства и уничтожения крепостного права.

По признанию вождя пролетарской революции декабристы являются основоположниками революционного движения в России в память об их выдающихся заслугах в области истории борьбы с угнетателями народных масс. В своей истории Российской Коммунистической Партии тов. Г. Е. Зиновьев говорит: «Мы должны облачить томящего декабриста, — раненого полководца буржуазной революции, который тоже шел в бой против царизма. Эта людина, представлявшая собой, в буквальном смысле слова, самую аристократию, дворянство, офицериство, — отделилась от своего класса, порывая с семьей, оставив своих правителей и вступив в борьбу с самодержавием. Пусть и она не имела социалистической программы, пусть и она была только буржуазным революционером, — но наше поколение не отказывается от этого наследия. Мы говорим, что это — свянное прошлое, и мы низко кланяемся первым предшественникам революционного народничества, умевшего погибать за народ в те дни, когда рабочая класс только еще рождался, когда не было пролетариата и не могло быть массовой пролетарской партии».

Цели и задачи заговора декабристов заключались в освобождении всего народа от политического и экономического гнета самодержавия и строя и в широком социальном реформе на демократической основе. Их программа должна была и могла привлечь к движению солдатские и крестьянские массы. Декабристы решили вкратце Александру I путем убийства и шай на уничтожение всей царской семьи. Их программа социально-политических преобразований была для того времени довольно обширна, а для России даже очень велика.

Заговор был распространен преимущественно в офицерской среде и по месту действия тайного общества делится на северное, южное и соединенных славян. Из них самым демократическим по своему составу было общество соединенных славян, а главным действующим лицом в нем был один из руководителей южно-го тайного общества Михаил Павлович Бестужев-Рюмин.

М. П. Бестужев-Рюмин родился в 1803 г., получил дома хорошее образование. Принадлежал к рождению к высшей дворянской знати, он в юном еще возрасте был принят на службу в самый привилегированный на тогдешних гвардейских полках — кавалергардский, откуда был скоро устроен за стюкачество и неуважение к авторитету власти. Однако, перевали его в другой гвардейский полк — Семёновский, наиболее любимым императором Александром I. Властелин этого офицера этого полка мысли возмущать делать хорошую службу казверью. Но и здесь Бестужев-Рюмин не

удержался долго. В 1820 г. произошло известное восстание Семёновского полка, вызванное брожением во многих других частях российской армии, и царь расформировал свой любимый полк. Сотни солдат были подвергнуты ужасным телесным наказаниям, причем многие из них были замучены

М. П. Бестужев-Рюмин.

на смерть, некоторые офицеры, которых обвинили в подготовке восстания, были разжалованы или посажены в крепость. Бестужев-Рюмин был переведен, с повышением по службе, в армейский Платовский полк.

Служа в Платовском полку — на юге, — М. П. Бестужев-Рюмин подвергся тем же ограничениям, что и другие бывшие семёновцы, и не мог, например, поучить отпуск для свидания с уни-

женной матерью. Но здесь он сблизился с С. И. Муравьевым-Апостолом, который сам по себе и являющийся юношей, имел большое влияние на его развитие. Муравьев-Апостол был очень образованным офицером и пользовался большим уважением всех знавших его за свои прекрасные душевные качества. Он был одним из основателей первого тайного общества и после смерти царя продолжал участвовать в заговоре. По своим политическим убеждениям он был самым революционно-настроенным заговорщиком, и, конечно, имел на Бестужев-Рюмина революционно-политическое влияние. Дружба всегда была вместе, и вскоре Бестужев-Рюмин оказался ближайшим помощником Муравьева-Апостола по устройству заговора на юге.

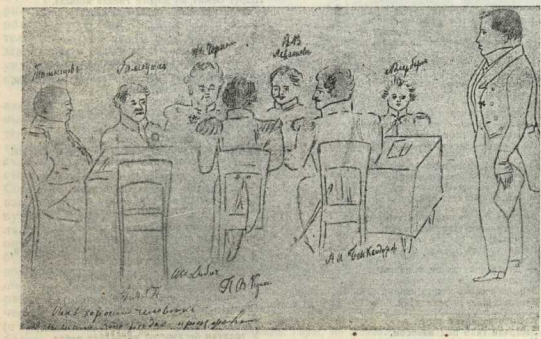
Рождениею Муравьева, С. В. Скалоз, оставив интересные записки о своих встречах с заговорщиками, в том числе и с М. П. Бестужевым-Рюминым:

«С Сергеем Ивановичем преехал всегда к вам и друг его, Бестужев Рюмин, образованный молодой человек, с ямлою душою, но с головою, до того актирированной, что иногда он казался нам даже странным и исповитым в своих действиях и предположениях. Дружба его с Сергеем Ивановичем была истинно примерная: за него он готов был броситься в огонь и воду; но впоследствии время доказало, что дружба эта была введя как для одного, так и для другого, введя обеих до гроба».

Вот как определял участие Бестужева в Тайном Обществе секретарь следственного комитета, составивший извлечение из его дела для Николая Первого. Бестужев-Рюмин принят в южное общество в 1823 г. С самого начала являлся деятельнейшим членом и вместе с Сергеем Муравьевым-Апостолом участвовал на Васильевской улице, действуя и давая мысли нераздельно с ним. Он одерживал влиятельное республиканское влияние и влияние южного общества и всей августейшей фамилии; участвовал в совещаниях в гетее и деревне Камеши. Открыл сношения с польским обществом; заключил с ним договор о взаимных действиях, поступая Польше частью в освободительных областях, и за услуги в совещенных своих заслужил благодарность Директории. При Бобруйске (1823) он совещался об арестовании польского государя и возмущении дворян, и ездил в Мысль для исполнения заступничества с последним им, а в 1824 участвовал в решительном соглашении поехать на звание гонимого в лагере при Белой Церкви, о чем предварительно рассудил с Пестелем в Липках, с братьями Поджако в деревнях Камеши и Бороздине.

По поручению Пестеля требовал от полков истребления шекарства, для чего писал влиятельные сношения, доказывая необходимость сего злодеяния. Разделяя для сношения с членами общества, старался привлечь новых, рассеивал преступные мнения, читал возмущающие сочинения, развлекал с них воин и возбуждал в молодых офицерах дух преобразования.

В лагере при местечке Лещине (1825 г.) приглашал к себе солдат, из бывших семёновцев, и возбуждал в них дух возмущения. Там участвовал в приобретении к южному обществу общества соединенных славян, над которым скрывался непосредственным начальником, и увлек членов своего к республиканской цели, с истреблением государя и всего царства шего дома; требовал от них, чтобы пригласили солдат к возмущению, заставляя их в лагере при Лещине означать возмущения, он подавал мысль для покушения на жизнь государя отравить в Тагарот несколько солдат, в котором что для его у них все готово. Узнав об арестовании бумаж Муравьева, он совещался о возмущении; запискою возбуждал к тому славянских членов, потом и сам отправился в 8 укреплённую бригаду, принадлежавшую, с помощью славян, арестовать генерала Рота, но узнав, что его ищут жандармы, возвратился к Сергею Муравьеву, с которым находился в продолжении всего возмущения Черниговского поля, развлекая преступные действия. Он с Сергеем Муравьевым составил возмущательный катехизис и прокламацию».

Совещание суда над декабристами. (Зарисовка участника процесса 1826 года).

На славян Бестужев-Рюмин действовал своим революционным и возмужевшем. На собрании сосланных славян, устроенном специально по вопросу присоединения их к заговору южного общества, Бестужев-Рюмин произнес восторженную, прокламационную, далеко не реального содержания, речь, которую сам восстановил в записки для следственной комиссии. Эта речь очень характерна для пылкости революционера и метафизического романтика, каким был Бестужев-Рюмин. «Век славян военной кончился с Наполеоном», — говорил в начале речи Бестужев-Рюмин. «Теперь настало время освобождения народов от угнетающего их рабства, и неуважающее русские, олицетворявшие себя столпами бюрократии и метафизическими подвигами войны истинно отечественной, — русские, исторические Европы, из-под гнета Наполеона, не смеют собственному юрму и не станут себя благодарной рабством, когда лекало пойдёт о спасения отечества, счастливое преобразование коста зависит от любви нашей к свободе. Взгляните на народ, как он угнетен Торговым уладо; промышленность тоже нет, бедность до того доходит, что нечем платить не только подати, но даже неземники. Война все рошлет.

При вся обстоятельствех все трудно было выслушать общество в распространять и прийти в состояние грозное и могущественное. Почти все славян с просвещением явля к своему правительству, все его одобряют. Общество по своей многокрасотности и могуществу — вернейшее для нас убежище. Скоро оно воспримет силу действия, освободит Россию и быть может, целую Европу. Порыв всех народов удерживает русская армия. Коль скоро она провозгластит свободу, все народы восторжествуют. Великое дело совершится, и нас провозгласят героями века.»

Славяне после этого проносились к южному обществу и были самыми ревностными участниками в действия Черниговского полка.

Рассказывая об отношении заговорщиков к известию о смерти Александра I упоминается выше С. В. Скалон пишет: «Не трудно описать полюбившего брата Мухоморова и Бестужева-Рюмина при этом известии: они как бы сошли с ума, не говорили ни слова, и в страшно-ужасном было на их лицах; они в смущении стояли на углах в угол по комнате, говоря шепотом между собой; Бестужев-Рюмин, более всех испуганный, рыдал, как ребенок, подходить ко всем нам и прощались все как бы с каждым. В таком положении все разошлось по своим комнатам и только утром мы узнали, что в ту же ночь Мухоморов Аностол и Бестужев-Рюмин поспешно уехали, по неизвестно куда.»

Узнали они в место расположения Черниговского полка, в котором тогда Мухоморов — Апостол командовал батальоном вместе с Мухоморовым — Апостолом Бестужев-Рюмин организовал восстание Черниговского полка и составил «воззвание» к восставшим войскам. В этом воззвании, между прочим, говорится: «Все бедствие русского народа происходит от самодержавного правления. Оно разрушает. Отныне Россия свободна. Российское владычество грядет восстановить повальное правление, основанное на святом законе.»

Под руководством Мухоморова—Апостола, Бестужева-Рюмина и Мухоморова—заговорщиков, Черниговский полк выступил в революционный поход против правительственных войск, причем арестовывая более мятежных офицеров командир полка Гебель был убит и, в свою очередь, выжидая арест. Но, конечно, революционный поход не удался. К восставшим не примкнули другие заговорщики, обещавшие присоединиться к ним свои военные части, и роты Мухоморова—Апостола были разбиты.

А. В. МОРАВОВ.

Пленных революционеров отвезли в Петербург и посадили в Петропавловскую крепость. Здесь Бестужев-Рюмин сидел рядом с декабристом Н. В. Басаргиным, который так говорит о нем и своих воспоминаниях: «Тут соседям моим был известный Бестужев Рюмин, осужденный потом на смерть, и гвардейский офицер Андрей Мам. Мы змислили познакомиться и, как только закончили наши казны и кончась вечерняя обход офицеров, то начинали беседовать между собой и разговаривали часто за полночь.»

Бестужев-Рюмин был очень молодой человек с самым пылким воображением; сердце у него было провоскодное, но голова не совсем в порядке. Иногда он был необыкновенно весел, а в другое время ужасно мрачен. Преданной душой и темом Сергее Мухоморов-Аностолу он был одним из самых деятельных и самых неосторожных членов общества. Он сохранился в кавалдаз, его беспременно водили в Комитет и присылали каждую день новые вопросы. Я полагаю, что по своей пылкости и неосторожности он без умысла мог запутать своими ответами много таких лиц, которые без этого легко бы скрывли от следственной комиссии свое участие.»

Комиссия принимала при допросах провозглашение, нравственные пытки, закливание в ручные и ножные кандалы и добивалась от привлеченных к следствию излишне откровенных показаний. Побывавший такой провокацией, Бестужев-Рюмин тоже был излишне откровенен перед комиссией и потом в казнете сильно страдал от этого. «Вы не поверите», — говорил он соседям, — как я страдаю, когда бываю в комитете, где так безжалостно обращаются со мной, и в особенности при очных ставках. Слушаю грубости, вижу презрительные улыбки членов комитета и читаю в глазах товарищей, которых, быть может, я волкаю во многое, упреки в малодушии. Вам неизвестно положение, в которое я поставлен этим следствием, и то, как я внутренне страдаю.»

Про себя самого он, конечно, тоже говорил много неуживою. «Бестужев-Рюмин сам мне сошелся», — говорил Басаргин, — что лучше всего его ревниры против царской фамилии, что пылкость его характера не допускала середины, и что в обыкновенных даже сплоченных случаях, при известии о каком-нибудь дурном поступке, оо-

бивно, когда дело шло об угнетении сильным слабым, он возмущался до истомы. А между тем, сколько я мог его понять, это был самый добрый, самый интеллигент, самый более, самый простодушный юноша, который, конечно, не и г бы равнодушно смотреть, как отнимать жизнь у последнего животного.»

В числе других пяти главных заговорщиков Бестужев-Рюмин был приговорен к четвертованию, но Николай I велел казнить смичлики приговору и велел их повесить.

«Наступил июль», — рассказывает Басаргин о последних днях Бестужева — «11-го, после обеда, зашел к Бестужеву протевьер Мисловский, а после него пришел плащ-маршаль Фальшер и спросил его, не желает ли он сблизиться. Его не бранил все время, и он ходил с Бордош; на руках же до самой сентенции носил цепи. Бестужев согласился и был сбит в присутствии плащ-маршала. Потом его повели гулять в командантский сад. Возвратившись с прогулки, он рассказывал нам все, что с ним происходило, и удивлялся, что вдруг к нему сделаны так внимательны.»

«Я предчувствую», — прибавил он, — что это не даром. Не кончилось ли наше дело и не уезду ли меня сегодня ночью в заточение на всю жизнь. Если все освободит, то лите זאת об мне родным и друзьям моим. Бога ради оправдайте меня перед тем, о котором я вынужден был говорить во время следствия. Они могут подумать, что я с аверением старался запутать их. Ты был свидетелем, как меня измучил комитет. Грешно желало только одного, чтобы меня не разлучили с Сергеем Мухоморовым, и если нам суждено провести остаток дней в заточении, то, по крайней мере, чтобы мы были вместе.»

Проснувшись поутру на другой день, — пишет Басаргин, — я услышал большую суматоху в коридоре. Отвернул и затворил казнеты. Плащ-маршалы, сторожа, часовые бежали в ту, то в другую сторону. Вышедший ко мне сторож мой означал, да мне знать, что выносят Бестужева, и вдруг я услышал его голос. «Прощайте, дорогие друзья, я еду выслушать мой приговор.»

13 июля 1826 года, на рассвете, пылкий юноша-революционер был повешен на ялу Петербургской крепости в Петербурге.

ЗОЛТАН ВЕЙНБЕРГЕР—ВЕНГЕРСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ

С. КЭМРАД

КАЖДЫЙ день, когда я беру в руки свежий, пахнущий еще типографской краской, газетный лист, глаза мои в дребезг телеграмм ТАСС'а ищут его имя. Второй месяц повзвывает нам будапештское радио о трагедии, разыгравшейся снова в казематах кровавого адмирала Хорти. Каждый акт ее заславлет усиленно биться наши сердца.

Никогда так остро не чувствовал я свою связь с мировым комсомолом, с рабочим молодежком капиталистических стран, никогда так не ощущал свою солидарность с ним, как в эти дни. Ибо один из пленников венгерской охраны, Золтан Вейнбергер, венгерский комсомолец, еще совсем недавно был с нами, работал, смеялся,—а вот сегодня его стои режет нам уши, заставляет сжимать кулаки и грозить ими в ту сторону, куда ежевечерне прячется солнце.

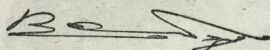
Я познакомился с Золтаном прошлой зимой в ЦК, в переполненной людскими комнатке Отдела Печати.

За чаем и бутербродом с ветчиной, в столовке ЦК партии, перedal мне Золтан „дела“ по Прессбюро ЦК РЛКСМ. Они состояли из пары статей, оставшихся от прошлого № бюллетеня для провинциальной печати, да нескольких дружеских советов о работе.

Меня поразило его сильный немецкий акцент. Осведомился—не из Германии ли он? Оказалось нет. Из Венгрии. Слово за словом повелся мне Золтан историю своей жизни.

Родом из Будапешта: (рос в богатой семье отец был купцом и затем директором завода). Учился. Кончил среднее учебное заведение, занимался уже в университете. Бура Октябрьской революции, снесшая короны с голов германского и австро-венгерского императоров, разорвала цепи, связывавшие Венгрию с Австрией. Венгрия—самостоятельная республика. Но Золтан не с националистами. Социалистическое движение втягивает его, тогда еще 15-летнего мальчика: Золтан—за Советскую Венгрию, за коммунистическую революцию. Он знает, что борясь за нее место в партии коммунистов и в комсомоле и он вступает в их ряды. Пятнадцать лет Золтан Вейнбергер становится большевиком и комсомольцем.

Вспомним кратковременную историю Советской власти в Венгрии. Растерзавшая буржуазия, в марте 1919 года, без боя уступила власть рабочим. Правительство—Совет Народных Комиссаров—было образовано коммунистами вместе с левыми меньшевиками. Была провозглашена Советская Венгрия. В первый же месяц мировая буржуазия произнесла свой приговор: Советская Венгрия должна погибнуть. На революционный венгерский пролетариат напустили румынскую армию. Меньшевики труслили, и позорно изменили. Румынские бояре, эти „шакалы“ Европы, захватили Советскую Венгрию. На сцене появился адмирал Хорти—диктатор. Август 1919 года и ряд последующих месяцев и лет ознаменовались жестокой расправой с трудящимися.

Один из последних снимков З. Вейнбергера

В немногие месяцы Советской власти в Венгрии Золтан работал в Венгерской Чекэ.—Буржуй—душа из тебя вою. Революция в опасности—враг у границ. Вейнбергер берет винтовку—он красноармеец Венгерской Красной армии. Падение Советов принуждает его эмигрировать за границу. Поиска была бы гибелью: коммунистов расстреливали на месте.

Но активная натура Золтана не дала ему долго оставаться в эмиграции. Он вскоре возвращается в Венгрию. Уходит в подполье. Работает, пока цепкая лапа жандарма не извлекает его от-

Мясник ХОРТИ (из венгерской коммунистической газеты)

туда и не ввергает в тюрьму.—„Пятнадцать лет заговения!“—гласит вердикт!) буржуазного суда. Железные тюремные двери захлопываются за Вейнбергером. А все-таки—Да здравствует мировая революция!“—кричит он плача.

Восемнадцать месяцев—год и еще полгода—сидел Золтан за решеткой. Оттуда вырвало его Советское правительство РСФСР, обменяв на венгерских белогвардейцев. Закаленным борцом приезжает он из тюрьмы в страну Советов. Приезжает учиться—как делать победоносную революцию. Ненадолго останавливается он в Москве—и затем, для того, чтобы познакомиться ближе с русскими комсомольцами, едет на работу в Орел.

В то время орловские комсомольцы ближе, чем когда-либо, почувствовали свою связь с заграницными товарищами. Многие и сейчас помнят ту повышенную атмосферу, под'ем, долго несомлевшие аплодисменты, раздававшиеся при выступлении Золтана.

Золтан освоился быстро, скоро он стал говорить по-русски довольно сносно, а затем все больше и больше знакомился он с обстановкой, и скоро стал активнейшим членом нашей организации.

Его узнали и полюбили русские комсомольцы. Но во время своей работы все чаще и чаще обращался его взор на Запад.—Венгрия манила его к себе, борьба звала. Из Орла Золтан, в конце 1924 г., возвращается в Москву; некоторое время работает в ЦК РЛКСМ, в Исполкоме КИМ'а—и вот он снова едет в Будапешт передать рабочей молодежи Венгрии накопленный свой опыт.

—Прощай, Золтан! Смори, не поддавайся! Пиши!—прощались мы с ним накануне отъезда. Но он полагал. Шпионы венгерской охраны хорошо знают свое подлое дело. 23 сентября Ракоши, Вейнбергер и десятки других венгерских революционеров были вырваны из рядов борющегося пролетариата. Ныне палачи снова издеваются над Золтаном. Нечеловеческие пытки придумываются ему. В виде протеста Золтан уже раз объявлял голодовку. Но тогда к нему пришили искусственное питание, стали кормить насильно, грубо всовывая в рот шприц, надевая смертельную рубашку, избивая и увеча...

Таков путь Золтана Вейнбергера, венгерского комсомольца, еще вчера бывшего с нами, а сегодня вырванного из наших рядов буржуазией.

Вейнбергер один из многих. Героический путь комсомолов на Западе усеян тюрьмами, арестами, издевательскими, расстрелами.

Избиение Дорио во Франции, преследования комсомольцев в Польше, арест Вильяма Реста, венгерская трагедия, болгарские виселицы и многие другие известные, и неизвестные нам трагические моменты в работе и борьбе мирового комсомола. Вейнбергер не один, не первый, но рабочая молодежь Запады узнала и узнает,—что такое ожесточение и ненависть к врагу. Ей наша поддержка, сочувствие и любовь.

) Приговор

МЮД В ВЕЛИКОМ ОКЕАНЕ

Н. ВАСИЛЬЕВ, снимки В. ТЕПЛУХИНА

此の戦に集へよ
明日に
我等が
イン
タナ
シヨナル

около 20-ти комсомольцев, 90 корейцев, 60 китайцев. Все они колышутся шумливой толпой, залили весь бот-дек, десятки людей заполнили штурманский мостик, десятки населили спасательные шлюпки. Вентиляторы, и те не остались пустыми, в них, эквилибрируя на изогнутых кроках, стояло несколько корейцев, с нетерпением ожидавших начала собрания.

Наконец, в центре этой пестрой толпы что-то зашевелилось, заволновалось и из самой гущи, громкий, зычный голос выкрикнул:

«Разрешите, товарищи, торжественное собрание пассажиров парохода „Эривань“, посвященное 11-му М.Ю.Д. считать открытым! Давайте, начнем его с „Интернационала“!»

Мощные звуки, вылетавшие из сотен грудей, закаленных суровой природой и тяжелым трудом, заставили стальным звоном отозваться весь громадный корпус парохода. Во многих местах из толпы поющих вырвались, перебивая русские слова, резким восточным голосом произносимые слова японского Интернационала.

Невиданное зрелище, юношеский интернациональный митинг посреди океана, приветственные слова от японских рабочих с рыбных промыслов, неуклюжие поздравления рыбаков с Камчатки, корейцы из заброшенных корейских деревень Японии в роли митинговых ораторов, и старший

В ЦЕНТРЕ: Празднику общего собрания китайских, корейских, японских и русских рабочих на п/х «Эривань», в Великом океане.

СПЛЕВА: «КОНО-ТА-ТА-КАИНИ ЦУДЗЭСУСА», — японский текст припева «Интернационала»: «это будет последний и решительный бой».

СПРАВА: ... Вентиляторы, и те не остались пусты...

смех, отрывочные фразы живой газеты, и топот русско-японско-китайской пляски.

Не желая отставать один от другого, выступали со своими песенками-частушками, стихами японцы, корейцы, китайцы, русские. Бесконечно кружилась гигантским хором «Карманьола», особенно понравившаяся японцам и китайцам.

Только когда время приближалось к полуночи, бот-дек стал утихать. Как раз, в это время, из штурманской рубки распространялось среди оставшейся еще публики сообщение:

«Получена телеграмма—идет с норд-оста тайфун большой силы. Через сутки он должен нагнать наш пароход».

Матросы и коचेгары, готовящиеся к ночной вахте, ответили:

«Это еще посмотрим, как он нагонит! Мы сейчас так подшуруем, что ни один чорт нас не догонит!» И они разошлись— в кочегарку, в машину, к штурвалу, а в эту минуту радист уже передавал, делогласно, всем собранием принятую, телеграмму:

«Петропавловск. Камчатский губюрор РКП. Владивосток—Приморский губюрор РЛКСМ. Москва—ЦК РЛКСМ».

Общее собрание комсомольских ячеек парохода „Эривань“, камчатских рыбаков и присутствующих беспартийных японцев, китайцев и корейцев шлет горячий привет с далеких вод Восточного океана в день мирового праздника молодежи, заявляя, что твердо будут держать знамя ленинизма наперекор всем капиталистическим штормам».

СТОЛОВАЯ кочегаров, тесное, узкое помещенное стальные стенками, под второй палубой. За деревянным, плотно привинченным к полу, столом, накрытым черной, дырявой клеенкой, пять молодых загорелых ребят— это заседание комиссии по проведению 11-го МЮДа.

Это заседание происходит в Великом океане на советском пароходе „Эривань“, идущем с Камчатки во Владивосток.

Ясный, тихий день. С правого борта остро конечные вулканические вершины Курилки, напротив них, на Восток, бесконечный простор океана, где-то за тысячами миль упирающегося в скалы Аляски, впереди,—вечно трясущаяся японские острова, а на запад, к Москве—через желтый азиатский материк, 15 000 километров.

Прошло 4 дня.

Ребята разошлись, кто на вахту, кто в трюм объявить о собрании. 700 пассажиров. Это не мало для парохода в 1.500 тонн. Он битком набит людьми. И все эти 700 человек в 2 часа дня зашевелились, как встревоженный муравейник.

Из узких люков, трюмов, по железным вертикальным трапам на палубу, а с нее по широким „парадным“ лестницам на бот-дек потянулось веренище все население парохода.

400 человек русских промысловых рабочих, 150 человек японцев, из которых

морьяк-немец, участник гамбургского восстания за столом президиума.

Все доклады и приветствия произносились на 3 х языках—японском, китайском и корейском.

Японцы пришли на собрание несмотря на запрещение своих хозяев.

Каждый из них нарушением этого запрета рисковал в будущий сезон не быть нанятым снова на работу и может быть, остаться без куска хлеба. Может быть, поэтому их лица были так сосредоточенно-внимательны и каждое слово японского перевода проглатывалось ими наизусть.

Вечером был концерт.

Яркие звезды северного неба освещали холодные воды Великого океана.

С парохода, в черную высь, летели разудалые комсомольские песни, веселый

СТРАШНОГО НЕТ

М. РОЗЕНФЕЛЬД, рисунки А. ШАБАД

В 3-М ДОМЕ Советов вы можете встретить представителей всех существующих на земном шаре государств. И смуглого араба, месяцами пробирающегося в СССР, который зимней ночью, когда наконец засыпает бдительный прокурорский кот, дожилаясь в котлом, в котором уна-тугоут английские, немецкие и французские слова, может рассказать вам, как стреляли в него англичане, как вешали его французы и сколько тысяч крас в трюме парохода «Цимба».

Вечерами, усевшись по-турски, острей Гассан куда-то тинет несью беа слов, и первый эмигрант из Ирашам—Валва Толочко долго упрямшесть Гассана перестать.

В общежитии третьего дома жило много людей, имена которых известны всему миру: Неларом дежурная М.ша, порой, читая в газете о расстрелах в Болгарии, напоминает:

— Погади, а, вель, Мишия жила у нас три недели.

Или читает Маня список вновь избранного ШИКА, и радостно делится:

— Гляди уж не нашего ли Багрова избрали, помню, в последний раз приехала он из Тулы, а в двадцатом году в Туркестане орден получил. Может он...

Многие жили в общежитии.

Однажды, апрельской ночью, с ордером на койку № 385 в двери общежития ввалился Иван Ковалов и, шмыгая носом, всунул ордер дежурной.

— Бабуся, где тут переспать?

— Теперь страшного нет—будем учиться.

Все приняв в нем горячее участие. Через неделю Ванька узнал, где находится МК, ЦК, Красно-Пирсвейская Райком, Гавропрофбор и Наркомпрос. Ехивислався, что никто не комментирует осанне время, ну уж, а если случалась такая беда, то надо нария поддержать.

— Ходи, не ходи, а за дело надо приниматься,— бурчал Ковалов при слабом свете угловой лампы, когда, передившаяся огромным карандаша, заучивая слова из потрепанной книжки. Никто не выдал, когда закрывалась книга и переставал выисать карандаш.

В эти дни приходил Ванька с ворохом книг, которые ему давали в разных местах. В большинстве случаев это были: «Отчет Всесоюзной сельскохозяйственной выставки» или «Свяния—крестьянская кооперация». Все было бы хорошо, и литература подходила, крестьянская, да беда в том, что Ванька ее читал по складам.

— Страшного нет,—заявлял он каждый раз.—Сегодня община определится. Будем, значит, на Муховой.

Уже ни всех рабфаках Москвы кончались занятия, разглагольствуя рабфаки, и вот в один из веселых дней мы узнали, что Ковалов покидает наше общежитие.

— Пережду в дом рабфака, там за лето по-лучат ребята, которые оставались.—Прощайтесь Коваловы и исча.

В коридорах МК всегда много народу. Приходят братья на учет, приходят сниться в учета. Сода, вместо РУНИ, приходят комсомольцы просить квартиру и, вместо биржи труда, искать работу. В МК не ходил Ванька, когда был голодом и когда от ардных лент отлетали куски берсты.

В середине июля заблел оп в общежитие к дежурной Маше,—с ней он был в дружеских отношениях, и попросил просторить рубашку.

— Отграбто тебе потши.

Мы закидали его вопросами и получили с к у п е ответы.

— Жить можно, получалось маленько, колючку имевановые ниса; теперь выдержу экзамен, а лати... страшного нет. Хочу выпить цикаковых закочетов. Жить

дрова, немедля три мыши!

Теперь страшного нет, будем учиться...

Дежурная повела Ивана в угол огромной комнаты, и, как оказалось, койка № 385 была занята.

— Не беспокойся, бабка, пересплю и так,—страшного нет,—промолял Ковалов, и улегся на полу.

Таким образом, началась первая день Ванькиной жизни в Москве.

Утром Ковалов несколько минут грыз сухарь, а затем громким голосом, который был слышен во всех углах общежития, заявил о своем присутствии.

— Значит, товарищи, приехал я на рабфак, бумажка у меня имеется, куда теперь ити, и где этот рабфак находится?

Полобый вопрос рассмешил всех, и каждый наперебей стараясь обхитить Ваньку, кто рабфач в Москве черт знает сколько, кто Ваньке следует обратиться туда то, а вовсе не в то место, куда консулет Григорий Соливерстов и Петров.

В несколько минут все узнали, что Ковалов ботак из Брянской губернии в комсомольце с 1922 года, а Уком 2 года обещая посылать учиться, и только теперь Ванька доелся, дотрисся, дошел до Москвы.

Кажется, чтобы попасть из Брянска в Москву не ну-чо очень много времени. Кажется, так. Но у Ваньки этот путь занял 12 суток. Ведь Уком не может ослать проваз, ну а сухарями Ваньке нечего страшного нет. В железнодорожном ГПУ лежат ведь не более суток, и тому же каждый раз на стенах убеждаешь, что Ванька штраф заплатить не может—держи хоть два года—и вот он в Москве.

Не беспокойся, бабка, пересплю и так...

Осулялся Ванька, бланнее стал. Нескомью месечем мы его не выдали. В общежитие № 3 приехали и уезжали. Нас было несколько человек, которые считались ветеранами дмурых стен и серых коек и помнили Коваловых; и вот, однажды, когда в субботу мы намечали план проведения свободного дня, тогда решили проехать Ваньку.

Мы долго искали 15-ую комнату и радостно были встречены рабфаком Ванькой.

— Эх, жалею, вы пришли, а мне уходить надо. Теперь я итак Бюро эжеки, работы навалили—страсть. Сегодня воскресенье—надо стегангузу закончить и план работы подготовить...

Вместе вышли мы на Муховую. Дорогой Ванька молчал, минути ронял скупые слова.

— Тамленько приходится, а страшного нет. Я ведь сразу на 2-й курс попал... Переучисся.

У ворот университета мы попрощались.

Призывная е пляской

Эх, грудь моя заплесала
Ходы мои заболела!
Спящему что-ль?

От Саратова до Питера
Пешком шел:
Деньги малые на юбку
Копля,—
В Нижнем Новгороде
Балаалаку купил!

С балаалакою ити веселее,
Жулая мялка мояа догаи на себе,
Дождлясь теперь в солдаты провожат,
Трудно мялке летом в поле будет жать
Шарки на поле полюсы,
Ну, а мне обрест волосы.
Потому рожден 3-го января.
Безологоты помыт, люди говорят,
Говорят, говорят и поговаривают!

Эх, рожь чиста!
Умолотист!
Солдат буая я
Оборотистий!

Проводка меня мялка до лужка,
Пошеуля на прошение дружка.
С Красной армией служить не беда,
Жаль, нельзя тебе с собою взять гуля!

Боюсь задранит,
А то то был бы праздник.
Живи и умирать не впади!
Небось была бы рада,
Так что ль?
Эх, рожь густа!
Пошеуля в уста,
Жалею, небось?

Проводники меня, дома не тоскуй,
Хватату-ка на прошение кеаску,
Ворочусь домой, возмусь за дела,
Не напрасно-ж в плечах голова!
Побяла солдатовку,
Буаешь делегатку,
Вот што!

Иван Пудыкин

В СТРАНЕ ЛОРДОВ

Очерк А. НУЛПАКА *Скочником.*

III. ЛОНДОН

ПРИЕХАЛИ рано утром.

У нас имеется адрес уполномоченного нашего правительства, и мы решаем направиться туда пешком.

Не зная, куда идти, мы обратились к полицейскому и показали ему написанный по-английски адрес. Полицейский, как мы иностранцы, он не дал нам пожелательно омониторить, тут же указав нас на подошедший трамвай, передав нас кондуктору. Кондуктор указал нам, где сойти, и тут же сообщил другому полицейскому, что мы иностранцы и хотим попасть туда-то. Второй полицейский, тоже не погнав нашего заявления о желязном пути пешком, указав нас на автобус и снова передав кондуктору, куда мы следуем.

Все это делалось очень быстро, что лишило нас возможности обшарить.

Автобус доставил нас к месту назначения. К 10 часам центральная торговая часть Лондона, Сити, вся полна народом, спешащим на службу. Мы тоже отправляемся в нужное нам учреждение.

Встречаемся с нашими, работающими в настоящее время тут. Расспрашиваем друг друга о России, мы о Лондоне.

Узнав о том, где нас «привезли» с вокзала, они смеются и рассказывают нам местные анекдоты о подобных «путешествиях» иностранцев, что случается здесь нередко.

Затем советуем нам не терять времени, ибо мы и так успеем поглядеть здесь самое главное.

Вместе с одной соотрудницей, хорошо говорящей по-русски, отправляемся на выставку. Она оказывается английской комсомолкой, и у нас завязывается дружеская беседа.

Прямо с площадки спускаемся по лестнице вниз и идем по ярко освещенному электричеством подземному коридору.

Вышли на платформу подземной железной дороги. Ребята убегают в темноту, скрываясь в дамском туалете.

Нельзя смотреть вверх, думая увидеть луч дневного света, но сплошной бегущий потолок напоминает о том, где мы находимся.

Варуд на темной глубине туннеля доносился глухой гул. Он все усиливается.

С шумом и грохотом, которого никогда не услышать в открытом месте, подлетел поезд.

Паровоз нет. Электрическая тяга. На переднем площадке первого вагона установлен мотор, питающийся током, передаваемым непосредственно по рельсам, почему прикосновение к последнему небезопасно для человека.

Нас своевременно предупредили об этом свойстве рельс.

Селимся в вагон. Трамвай.

Шум и грохот во время пути чрезвычайно силен, в особенности для нас, не привыкших к этому. Хата и спутница наша жаждут на то, что поезд по подземной железной дороге портит нервы.

Мы довольны — позалили под землей.

Планируем посетить, к свежому воздуху и дажному свету.

Вystяк сразу же поражает обширностью своей территории, разнообразием и красотой своих пейзажей.

Осматриваем павильоны главнейших английских городов.

Канада.

Индия.

Новая Зеландия.

Особенно богато обставлены павильоны Канады.

ВВЕРХУ: ВОТ КУДА НАДО ПОСЛАТЬ ВСЕХ БАНКИРОВ И МИЛЛИАРДИСТОВ, чтобы они оценили результаты своей деятельности (карикатура из Лондонской комсомольской газеты).
ВНИЗУ: СЕРДЦЕ АНГИИ: АНГЛИЙСКИЙ БАНК (здание бы огонь, света) и **КОРОЛЕВСКАЯ БИРЖА**, —по) колоннами которой продвигаются ценности своего мира.

Некоторая неудовлетворенность остается от павильонов Индии.

Везде идет торговля местными товарами, большей частью безделушками, и раздается бесплатно описательный материал и различная реклама.

Мы, конечно, берем все, что дают. От бесплатного не отказываемся.

Осматриваем павильоны английской индустрии. Хорошо показано текстильное производство.

Весь процесс производства проходит перед нашими глазами, начиная со стрижки шерсти и кончая готовым материалом.

Вот — металлургия.

Красется длинный ряд автомобилей разных систем. Часть из них в полуобработанном виде.

Рядом стоят металлические птицы — авропланы. Паровозы.

Начиная с самого первого, старинного паровоза (в Англии все и изобретенное), и кончая современным гигантом.

Много еще интересного. Всего не опишешь. Часто встречается радио-установки, сообщившие последние новости.

Затем идет ряд увеселений: катания, летания вверх-вниз, по прямым и кривым поверхностям, на свету и в темноте и т. д. Конечно, все за плату. Тут же большая спорт-арена «Олимпика».

Но туда пускают лишь за дополнительную плату, так что мы предпочитаем не посещать ее.

К вечеру на выставке происходит роскошная illumination.

Решаем еще сегодня побывать в местном комсомоле.

Хорошо, что наша спутница — комсомолка. Не надо долго искать. Она доводит.

Английский комсомол существует легально. Пока еще полиция не прихода к нам в гости, — шутят местные работники.

Есть ребята, бывавшие в Москве: делегаты на съезде приезжали. Называют знакомые фамилия московских работников, расширившись о последних известия в России.

Часть из них говорит по-немецки. С этими нам легче объясняться. Можно без переводчиков.

Настроены у них broadly, чувствуются желание работать.

Главная их работа сейчас, это — переход на фабрично-заводские участки.

Недавно провели конференцию в Манчестере и рассказывают, что прошла она очень хорошо.

Численность союза еще не велика: не достигает еще даже тысячи человек.

Клуба в Лондоне она не имеет. Издают свой орган. Выходит два раза в месяц.

Узнав, что мы пойдем посмотреть центральные улицы Лондона, двое из них отправляются с нами.

Привозят огромные списки рекламы. Есть целый ряд очень оригинальных и эффектных.

Давление здесь огромное.

Почти один автомобиль и автобусы вытянулись в 5 сплошных рядов.

Переход через улицу возможен только тогда, когда поменяет, поменяв свою пухляку, обгнута белая перчаткой, руку оставив эти движущиеся ленты автомобилей.

При всем этом переполнение улиц движением происходит довольно быстро.

Заходя в один из незлобных «народных» кафе и там за чашкой кофе составляем план дальнейшего осмотра Лондона.

Уже поздно.

Наша спутница идет нас между собой, и мы расстаемся, отправляясь по-двое в разные направления.

Посетили английский парламент. Полномочиям следственным коммунством в парламенте — индусом, товарищем Скакватвой.

Он знакомит нас со зданиями парламента и показывает внутренне здание. На прещении он рассказывает на одной из помещающихся в меня карточек с видами Англии. На память.

По дороге из парламента произошло следующее:

Я был одет в черную рубашку. Когда мы собирались спуститься в туннель подземной железной дороги, мы увидели поднимающегося оттуда хорошо одетого незнакомца.

Поравнявшись с нами, он вдруг остановился и, улыбаясь, поздравил со мной, сказав какое-то приветствие, и протянул мне руку.

Я удивился, но несомненно тоже улыбнулся и мы обменялись рукопожатием и . . . в этот момент я увидел у него сбоку на груди фашистский значок.

Затем он поспешно ушел.

Все это произошло так быстро, что я не успел ничего предпринять для выяснения этого случая.

Но бывшая с нами все та же комсомолка объяснила нам происшедшее. Означательнее, здесь черная рубашка — отличительный знак фашистов, и нам немаловажно был введен в заблуждение мой русский.

Осматриваем Лондон. Велик.

Живет в нем восемь миллионов, т. е. больше в четыре раза против Москвы.

КОГДА КОРОЛЬ АНГИИ отправляется куда-нибудь, его кортеж охраняют: по улицам в два ряда стоят королевские вардбэйсы стрелки и полицеины.

Узнает колоссальный по вышине памятник адмиралу Нельсону, одержавшему морскую победу над Наполеоном.

Конечно, колоссальный памятник королеве Виктории и рядом помпезные—се музы (не короле).

И совсем жалким по сравнению с ними кажется памятник левазному солдату, погибшему в войне с Германией¹, сооруженный здесь в 1920 году.

Каждому по чину. Королевский двор охраняется специальной стражей в красных мундирах и высоких мохнатых шляках.

Большого внешнего величия у дворца нет. Кроме стражи, в большом количестве расставлены поземизны.

Рядом помещается парк со специальной дорожкой для верховой езды. Видно много катающихся верхом, в катках и перчатках.

Площадки с окранным Лизадо. Здания становятся меньше, больше чистота двукратные особняки с небольшим садом—общие жилища более обеспеченной части английских рабочих и служащих.

Вокзальный загородный парк. Парк очень большой с обильными и множеством красивых мест. Визу, но выдвигает, протескает река. Здесь же плещут озера. Они привыкли к излучию и не пугаются автомобильной и мотоциклов. Хорошо здесь отдохнуть от душной города.

«Флит-стрит» — это улица, на которой помещаются редакции всех главных английских газет. Улицы третья держатся—наказывают печатать. Говорят, что сюда иногда заезжает и сам король, делая визит этой державе.

В целях увеличения своего тиража, некоторые газеты прибегают к строительным приемам.

Редакция «Дэйл Мэз»², например, лет в виде бесплатного приложенья к каждому номеру страшной тлазон, действии—линый в течение ланного дня, так что, в случае какого-либо несчастья, купивший номер «Дэйл Мэз» оказывается в безопасности на сегодняшний день, и с сам ни из семьи имеют право на получение соответствующего пособия.

М и я ем большое здание английского верховного суда. На нем статуя женщины держит в одной руке флэд, а в другой—ресты.

Вот «Изна док», часть лондонского порта. Здесь обычно стоят парадные англо-русского акционерного общества «Алекс».

Часть этих зданий правит под русским, а часть под английским флагом.

Интересно, что суда, носящие такие названия, как: «Лев Троцкий», «Красия» и т. п. идут под английским флагом.

Незадолго прошли проведенные в Лондоне дни. Слово на поезде.

IV. АРЕСТ

БЕШЕ раз провел несколько дней в Гуле. Затем должен отправиться на поезде в слова в Лондон для перевода на другое судно, находящееся там.

По дороге на вокзал меня остановила одетый во все штатское полицейский агент и требует предъявить ему паспорт.

Посмотрев мои документы, он приглашает меня зайти в полицейское управление. Там, снова

просмотрев мои документы, мне заявили, что ввиду несанкционированного выезда мне трудно проверить, действительно ли я еду на другой пароход, — и они вынуждены задержать меня до проверки этого в соответствующих учреждениях, что делается завтра же утром, ибо сегодня уже поздно.

Две ночи и один день я провел в полицейской камере предварительного заключения.

С вечера заперли в окошко, но днем дверь отперли и я смог пойти в общий коридор, кулуар выслушал и остальных арестованных.

По нахождению на руках и груди видно, что большинство присутствующих—морьяны.

Замеситесь между собою. Много иностранцев.

Узнав, что я русский, они укладывают и, показывая на меня, говорят: «башык».

Удивляюсь, как сразу после этого мне удается отослать по мне. Один уходит сигаретам, другой дает спичек (которые здесь нельзя иметь), третий предлагает газету и почти

ГРУППА МОРЯКОВ В ЦОХАХ: Лондон является сед-им из величайших портов в мире.

каждый старается чем-либо вывить свою симпатию.

Советует мне написать письмо капитану и извлекать согласие отправить его, когда из суда после суда отступат, чтобы таким образом избежать меня от цензуры полицейн.

Некоторые предлагают денег, от чего я, конечно, отказываюсь, объясняя, что они у меня имеются.

Кормят три раза в день, два раза кружку кофе и 4 дойти хлеба с маслом.

В камерах наверху небольшое окно с решеткой. Электрическая лампочка на потолке, зажигается из коридора.

Деревянная, прислоненная к полу диванная и унитаз составляют всю мебель камеры. Вода в унитазе тоже спускается только из коридора. На ночь дают кожаную подушку и грязное ватное одеяло.

Судя по состоянию, в которое утро после моего задержания.

Судья сидит на специальном возвышении за большим столом, в большом кресле. На нем парик и широкое одеяние.

Представитель полицейн излагает сущность моего дела.

Судья постановляет: «отправить на пароход «Герин» через три дня».

«Герин», это—пароход, куда я и переоделись.

Три дня в ожидании отправки на пароход пришлось провести в тюрьме. Везут туал в закрытом полицейском тарантасе, запряженном парой лошадей.

Получив означенку. Камера гораздо хуже и ниже, чем в полиции. Вместо унитазов—горшок. Лежаки нет, а вместо на полу лежит деревянный щит. Освещение нет. Сыр. 10

Питание очень плохо. Утром и вечером подают кашку. Это—пороческого вида, разболтанная в теплой воде, без сахара и молока. Обед из двух блюд: суп и водяннистая кар-

тошка в «мундирах». Посуда жестяная, из bianco от консервов. Ужин—не лучше.

Утром будит в шесть часов. Убираешь камеру.

Затем обязательная прогулка.

В середине тюремного явора устроена круглая клубка с цветами и вокруг нее два круга на плит. По этим двум кругам размещают гуляющих, которые и дожидаются в течение пятидесяти минут зайти по ним, не замедляя и не ускорив шаг, чтобы не оставить и не вызвать друзей, все время в одну сторону. Переходят с круга на круг и разговаривать не разрешается. От этих «прогулок» гурьются голова и многие подпадают под суд. Единственное спасение в межклетке рядом уборной и все старается пробить там подолыше.

Обращение внешне очень вежливое. Все обращения в виде просьб. Но если не исполнить какую-нибудь из этих «просьб», то полиовасная рука полицейна быстро разумеется.

Чтобы позвонить, для вызова полицейна, вешалка в стенку железная рукоятка. Поворот этой рукоятки требует большого физического напряжения, так что больше двух—три раза под нее позвонить, но и это напарный тура Сильный знон, но позвоним не является.

Абсолютно нечего делать. Курить нельзя. Читать нечего. Писать нельзя. Говорить не с кем.

Следующим утром штатской полицейн прочтет меня до парохода. Достаня на борт за час до отхода и гуляя на пристани около нас, вежливо раскланиваясь со мной. Наверное, со стороны получалось впечатление, что прожвалет какой-либо хорший знакомый.

Х. ОБРАТНО

ЕЗУ на товаро-пассажирском судне «Герин»³. Занюкоместь с койкой и пассажирами. Среди пассажиров оказываются английская газетчик от междубама английской газеты «Дейл Геральд», орган рабочей партии. Они всем интересуются, осматривают судно и расспрашивают о быте моряков и Советской России. Связываемся вместе. Учу их русским песням.

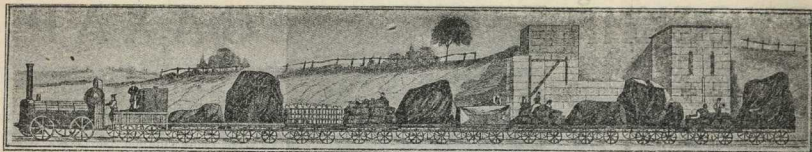
В Кнае простояли четыре часа. Ходили на берег. Железы, что в виду праздника магазины закрыты, и приходится покупать у ширшявдара.

В Германии многого дешевле, чем в Англии.

В Ленинграде была устроена торжественная встреча. Английскую делегацию встречали представители ленинградских организаций и оркестром, знаменами. Тут же на пристани устроили митинг, на котором спелась выступавшая наша, а потом и английские гости.

ФЛИТ-СТРИТ. Улицы, целиком состоящая из редакций газет и журналов. Это одна из самых оживленных улиц Лондона.

НАЧАЛО Ж.-Д. ТРАНСПОРТА: товарный поезд времен Стеффенсона.

СТО ЛЕТ ПАРОВОЗА

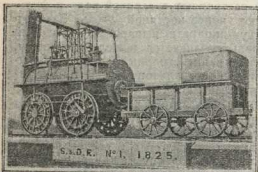
Инж. Н. АЗБУКИН

ДЕВЯНОСТО километров в час делает в наши дни скорый поезд. Десятки тысяч пудов груза размещены в громадных товарных вагонах, и мощный паровоз, сам веский 15—20 000 пуд., легко тащит по рельсам этот колоссальный груз.

Мы все так привыкли к железной дороге, таковой обичной представляется она нам, что нам и в голову не приходит, как нужно было бы поступать, если-б все паровозы вдруг исчезли. А, ведь, сто лет тому назад еще не было железных дорог. Люди передавались или водами путем, или на лошадей. Почти, такой способ путешествия был крайне дорогим и тяжелым, и поэтому мало было желающих ездить на далекие расстояния, а перевозка товаров часто стоила дороже, чем сам товар. Благодаря этому, промышленность развивалась очень медленно.

Много инженеров, много изобретателей ломали себе головы, стараясь придумать такой способ передвижения, который совмещал бы быстроту, дешевизну и удобство. Много было изобретено паровых машин, которые двигались по рельсам и тащили грузы, но некоторые из них передвигались так медленно, что нешход обогнать их; многие были так тяжелы, что ездок могли себя тащить, а о перевозке грузов и думать было нечего.

Наконец, в 1825 г., в Англии, была изобретена машина, которая скорее лошади смогла перевозить грузы в 5.000 п. Этот паровоз был сконструирован английским инженером самодельщиком Стеффенсоном. Осенним днем 1825 года в назначенный час, со свистком и визгом, выплеская громадные клубы дыма из узороватой трубы, топовулся в путь паровоз по первой в мире железнодорожной линии Стоктон-Дарлингтон. Управлял им изобретатель Стеффенсон, и поезд благополучно поехал в Дарлингтон ранее назначенного времени.

СЛЕВА: «СТОКТОН-ДАРИНГТОНСКАЯ Ж. Д. № 1: Первый паровоз первой железной дороги, построенный в 1825 году Джержем Стеффенсоном. ВВЕРХУ: ОДИН ИЗ КОНКУРЕНТОВ ПАРОВОЗА — ЭЛЕКТРОВАЗ электрифицированной линии Чикаго-Милуоки-Сен-Поль, в Соединенных Штатах.

После удачного опыта Стеффенсон посылался предложения со всех концов Англии строить железные дороги. Но паровоз, в лице Стеффенсона, и власть, представляемая парламентом, всеми способами стала противодействовать постройке. Стеффенсон и проповедат докладывали «от писем», что паровоз—дело дьявола, что изверг из трубы у него летят дым и искры. В парламенте же шли debates о том, что на поездах ездить вредно для здоровья—пассажиры будут сходиться с ума.

Если «просвещенная» Англия так недружелюбно встретила паровоз, то и Россия и говорят нечего.

Но, несмотря на все препоны, железная дорога все таки вошла в жизнь нашей страны. Если в 1840 г. длина железнодорожных линий России равнялась 26 километрам, то в 1913 г. она имела протяжение в 72.981 километр.

Империалистическая и гражданская война приостановила постройку железных дорог, но теперь

снова прокладываются новые железнодорожные пути и вводятся паровозы усовершенствованных систем.

Уже сто лет обслуживает паровоз железные дороги и скоро придется сдать его на «покой». Он отслужил свой век и должен дать дорогу новому железному кошу. Дело в том, что паровоз расходует очень много топлива и только 10% заключающейся в этом топливе энергии идет на полезную работу, а 90% проваливает даром.

Полугоду в последнее время строили паровозы, где вместо неэкономичной паровой машины паровой котел питает турбину. Турбина приводит в действие динамо-машину, а последняя, вырабатывая электрический ток, заставляет работать электромоторы, которые двигают колеса турбопаровоза.

В таком турбопаровозе полезное действие увеличивается на 15% по сравнению с обыкновенным паровозом, т.-е. достигает 25%.

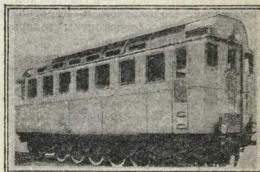
Кроме турбопаровоза, у паровоза есть еще два сильных конкурента—электровоз и тепловоз. Электровоз, т.-е. локомотив, приводимый в движение электрическим током, хорош для эксплуатации в странах особенно электрифицированных, а на наших железных дорогах более применим тепловоз.

Тепловоз—это локомотив, приводимый в движение двигателем внутреннего сгорания. Такие двигатели употребляются на фабриках, заводах, пароходах и т. д. Особенно вошел в употребление двигатель Дизеля, работающий на минеральном топливе. Этот двигатель в час расходует на одну лошадиную силу в 5 раз меньше нефти, чем новейшая паровая машина. Эти цифры показывают, на сколько выгоднее применение тепловозов с двигателями внутреннего сгорания по сравнению с обыкновенными паровозами.

Два русских ученых—проф. Ю. В. Лизаносов и проф. Я. М. Гаккеель разработали проекты тепловозов и по их чертежам были изготовлены заграничные тепловозы, которые в ближайшие месяцы подвергнутся тщательнейшим испытаниям. На практике они показали крайнюю экономичность расхода топлива и быстроту хода и таким образом доказали, что изобретения русских ученых предостоят богатая будущность.

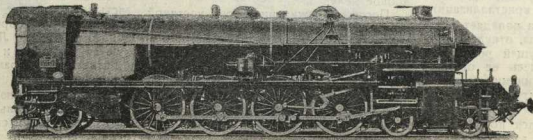
Так черес сто лет после рождения первого паровоза, двигавшегося со скоростью 25 верст в час, мы удовлетворяемся поездами, которые мчатся чуть-ли не со световой скоростью.

♦ ♦ ♦

СПРАВА: СОВЕТСКОЕ ДОСТИЖЕНИЕ: тепловоз системы проф. Ломаносова.

ВНИЗУ: СОВРЕМЕННЫЙ ПАРОВОЗ: паровоз американского трансконтинентального экспресса.

РУССКИЙ

Очерк В. ЯКУБОВИЧА

ДО ВОЙНЫ империалистической Россия была сахарным поставщиком Европы. Война 1914 г. и война гражданская подорвали нашу сахарную промышленность.

Теперь в связи с увеличением сахарной продукции, перед нами стоит задача восстановления качества русского сахара. До войны по своему качеству он не имел соперников на мировом рынке, за последние же годы оно значительно понизилось: наш сахар стал желтее и слабее (легко крошится).

Однако уже прошли те времена, когда вместо сахара шла в оборот пареная тыква или свекла, или даже тушеная морковь.

Развивается промышленность советской страны, улучшается благосостояние деревни и, наряду с «ситчиком», деревня требует «сахарку».

Может ли мы сейчас выработать нужное количество сахара?

До империалистической войны из 1.001 миллиона пуд. мировой выработки сахара 10%, приходилось на Россию.

Война 1914—17 гг., а вслед за нею гражданская, долго и основательно трепали Украину эту «житницу» русского сахара. Сахарная промышленность была подорвана. В 1914—15 г. было выработано 105,4 милл. пудов сахара, а в 1921—22 всего лишь 3 милл. пуд.

Начиная с 1918 г., вывоз сахара прекращается, а ввоз растет колоссально. Так в 1919 г. ввоз равняется 157,1 00 пуд. а в 1922 г. он достигает 4 413, 00 пуд.

Эти сухие цифры красноречиво говорят нам, какой выгоды наша внешняя торговля мы лишились, благодаря разрушению сахарной промышленности.

В предстоящем году, продолжающегося бурного хозяйственного роста, сахарная промышленность достигнет 75 % довоенного уровня.

Ввоз сахара из заграницы, начиная с этого года будет прекращен.

У нас сахар готовится из сока простой сахарной свеклы. Свекла хорошо привилась на юге России—в Полтавской, Харьковской, Подольской и Киевской губерниях, где и сосредоточены теперь главнейшие сахарные заводы.

Вокруг заводов разрастаются громадные плантации свеклы. В 1913 году занимали они 604,000 гектаров.

Сахарная свекла заключает в себе 96% сока и до 18% этого сока составляет сахар.

Работу свеклосахарного завода можно разделить на три части: 1) навлечение сока из свеклы, 2) очищение этого сока и 3) выделение из этого очищенного сока—сахара путем его кристаллизации.

Прежде всего свекла попадает в бурчаное отделение завода, откуда ее по желобам с быстро текущей водой направляют в мойку. Здесь ее окончательно обмолачивают машини, а затем режальная машина дробит бурки на мелкие кусочки.

Раньше сок добывался посредством пресования, а теперь это совершают диффузионным способом.

Сахар, как он есть

Свекла, разрезанная машини, так наз. резка, грузится в большие железные цилиндры, герметически закрывающиеся и сообщаемые между собой посредством труб.

Эти цилиндры, так наз. диффузоры, наливается теплой водой и затем в первый из них нагнетается сильный давление воздуха или воды: теплая вода переходит из диффузора в диффузор и выходит из последнего с содержанием сахара почти таким, как и в свекловичном соку. А вымоченная резка идет на корм скоту.

Сок, который вышел из последнего диффузора—сладкая по вкусу жидкость, содержит в себе очень много посторонних примесей, которые надо удалить чтобы получить чистый свекловичный сок. И вот с этой жидкостью продолжают целый ряд любопытнейших процессов, ведь которых выделить посторонние примеси, сделав их твердыми, а чистый сок оставить жидким.

Прежде всего сок нагревают и тогда некоторые так наз. белковые примеси становятся твердыми и всплывают наверх.

Затем в сок наливают раствор извести с водой, так наз. известкового молока, и оно выделяет минеральные соли, опять-таки в твердом виде. Такая обработка называется дефекацией.

Затем приступают к сатурации—это обработка сока углекислым газом. Оттого, что в сок подливали известкового молока, оно получило некоторую примесь извести. поэтому в сок пускают струю углекислого газа и он, соединяясь с известью, образует твердое вещество, подобное мелу.

После процеживания через костяной уголь выпариванием производится кристаллизация сахара.

Сок помещают в особые вакуум аппараты и заставляют кипеть, при чем пары отводятся вон. При дальнейшей выпарке мелы начнут выделяться и кристаллы сахара.

Так как емкость вакуум-аппарата не позволяет ввести в него разом весь сок, назначенный для «варки на кры-

САХАР

РИСУНОК Ф. ЗУБКОВА

стала» за один раз, то сок подкачивают порциями по мере того, как вода испаряется и, следовательно, в аппарате оседает больше.

При таком способе «подкачки» образуется много посторонних веществ.

Жидкость становится чрезвычайно густой и вязкой и кристаллизация сильно затрудняется.

Поэтому ее не ведут до конца, а прекращают варку в то время, когда часть сахара еще растворена в той сгущенной жидкости, которая находится в аппарате.

В этот момент содержимое аппарата представляет собой чистую, вязкую массу темно-желтого цвета, состоящую из кристаллов сахара, равномерно распределенных в жидкости. Эта масса уваренного сиропа называется «утифилем», а жидкая часть—первой патокой.

Утифль выпускают из аппарата и отделяют сахарные кристаллы от патоки помощью центрофугов.

Из центрофуг сахар вынимается в виде кусков, которые легко разбиваются на мелкие части. Полученный сахар представляет собой сахарный песок.

Он нагнетается в мешки и идет или для продажи, или на рафинальные заводы для переработки на рафинал.

Когда сахар выделают из утифиля на центрофуге, то в центрофуге остается патока. Ее наливают в ящики в особом отделении завода и дают ей спокойно стоять. Из нее через некоторое время выпаривается сахар и его опять отделяют помощью центрофуг. Получается 2й сорт песку и вторая патока. Так делаются сорта 3—4. Последняя патока—черная с зеленоватым отливом, густая, вязкая жидкость с провонными запахом, сладко-соленого вкуса идет на корм скоту или винокурение.

С свекло-сахарного завода песок поступает на рафинальный завод. Здесь его очищают и дают форму «голов»—в этом заключается цель рафинирования. Работа здесь идет таким образом: сахарный песок растворяют в горячей воде и фильтруют через костяной уголь. Затем в вакуум-аппарате выпаривают. Готовый утифль разливают в железные формы, имеющие вид «голов». Утифль остается, выпаривается и получается целая масса.

Для того, чтобы кристаллизация шла лучше, утифль выпускают при более высокой температуре, чем при выделке сахарного песку. Это и составляет существенную разницу между выработкой рафинада и сахарного песку.

Когда сахарная масса окончательно застынет, «головы» вынимают, обрезают «пята» на обрезной машине, сушат и потом бракуют. Лучшие «головы» пакуются в бумажные и ящики, а ломаные, с пятнами и др. браком снова поступают в переработку.

Вот в чем заключается производство сахара. И чем больше земли будет занято плантациями сахарной свеклы, тем больше советского сахара выпустят на рынок наши заводы.

ВОЙНА

Очерк

НЕСМОТРИ на существование пресловутой Лиги Наций, поставившая Вашингтонской конференцией о разоружении и мирные договоры, будущая правительств капиталистических государств, — эти последние все время лихорадочно ведут приготовления к новым войнам, которые рано или поздно могут вспыхнуть или между ними, или против Китая, Индии и других колоний, а возможно даже и против единственной в мире рабочей крестьянской республики — СССР.

В этих приготовлениях принимает участие не только социальства военного дела, но и выдающиеся ученые, работающие над изобретением все новых и новых средств разрушения крепостей и городов и уничтожения миллионов людей.

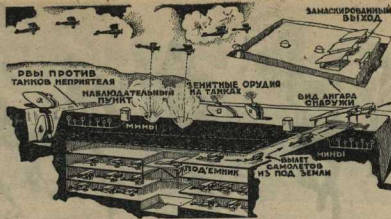
Опыт показывает нам, что в каждой из последних войн той или другой воюющей стороны неожиданно применялось новое средство разрушения, державшее в гущей тайне до начала враждебных действий. Так, в русско-японскую войну японцы впервые применили новые, особо разрушительные снаряды — «шимоза», в первое время наводившие панику на русские войска; в последнюю империалистическую войну угличане впервые выдвинули свои танки, приводившие в ужас немцев, а немцы, в свою очередь, первыми начали применять удашннвые, отравляющие газы, от которых, созиные войска вначале гибли тысячами, пока не были изобретены противогазовые маски. За время войны авиация, подводные суда, дальнотельные орудия достигли такого развития и усовершенствования, о которых люди перед войной и не мечтали.

Кто знает, какие еще новые ужасы готовит буржуазные правительства для борьбы с налагающейся на них мировой революцией.

Иногда повято, что все эти приготовления и изобретения держатся в строжайшем секрете, но все же недавно вышедшая в Америке книга профессора Горвардского университета Норрис Ф. Холд под заглавием «Будущая война» отчасти проливает свет на то, к чему готовятся наши классовые враги и как рисует себе «почтенный» профессор будущее взаиморазрушение народов.

Вопрос настолько интересный, что мы приводим здесь выдержки и рисунки из этой книги, помещенные в последнем номере американского журнала «Наука и Изобретение».

«Будущая война, если она даже разразится в ближайшие годы, будет вестись,

БУДУЩЕГО

А. А. КАШИНЦЕВ.

главным образом, при помощи самолетов и танков», — говорит американский ученый.

Плехута уже не будет пехотой в тесном смысле этого слова, так как она будет вступать в бой, заключенный в танках. Танки будут играть огромную роль в войне, во первых, потому, что в них солдаты будут не сравненно лучше защищены, чем в окопах и траншеях, во вторых, танки очень подвижны и могут перебрасывать большие военные силы, которые иначе были бы заперты в траншеях на долгие месяцы.

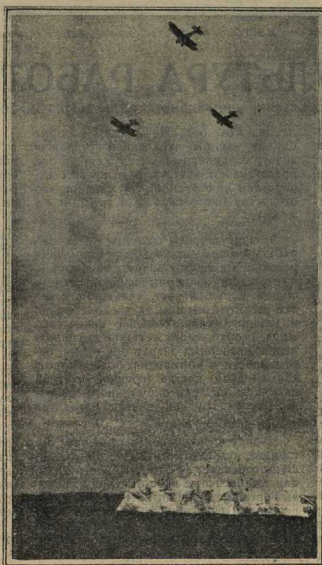
Борьба самолетов с танками в войне завтрашнего дня будет представлять поразительное зрелище. Представьте себе сотни тысяч огромных танков, продвигающихся по земле со скоростью 40—50 километров в час, снося деревья и постройки, позадыхающиеся на их пути и латающиеся среди моря воды, грязи и газов. Военные специалисты заняты теперь проектированием и постройкой танков, могущих перелетать со скоростью свыше 50 километров в час; эти танки будут газы и водонепроницаемы.

Войска будут перевозиться на позиции огромными флотами танков и самолетов.

В будущей войне военным экспертам придется решить самую трудную задачу, как защитить города и поселения от газовых атак неприятели. Вообразите на минуту, что будет значить, если вражеские авиационисты или огромные подводные лодки принесут на себе десятки самолетов, которые пролетят только газовую атаку на такие города, как Нью-Йорк или Филадельфия. Потребуется сравнительно небольшое количество такого газа, как «ловинг», чтобы уничтожить все живое в этих городах. Если подобная атака будет произведена возможно или при открытии враждебных действий, то, несомненно, число жертв будет огромно. Единственный способ борьбы с этим, кажется, заключается в том, чтобы воздушные силы, защищающие города, могли успеть выпустить облака газов, уничтожающих действие неприятельских газов».

Далее профессор Холд описывает проект защиты городов, как показано на рисунке, при помощи сотен тысяч газовых рожек, горящих на улицах и на крышах зданий.

Нам, конечно, известно и интересно посмотреть и рассмотреть, чем утешают себя буржуазные правители и ученые, но буржуазия предполагает, а пролетариат распознает. Мы знаем, что трудящиеся массы всего мира пробуждаются и мы уверены, что возможности новых войн раз навсегда будут положены конец.

ВВЕРХУ: РАЗРЕЗ ТИПИЧНОГО ПОДЗЕМНОГО АНГАРА: для авиационной от газодушных атак, ангар вырыт в несколько ярусов под землей. Посредством подвешенных к замаскированному выходу. Весь ангар окружен глубокими рвами, куда попадают вражеские снаряды. Если вы укажетесь баллистичекий перенос или рыв, они будут взорваны на минных полях. В первом ярусе показан вид только ангара сверху.

В ЦЕНТРЕ: БОМБОВОЗЫ АМЕРИКИ: учебные бомбометатели на испытательном поле, Сидней-Дэйвиз, С.-А. С. Ш.

ЛЕТАЮЩИЕ И ПЛАВАЮЩИЕ БАЗЫ: самолеты будут появляться севя в янпсво водоемах и во воздухе, создав на плаву. Да самолеты усложнению на нескольких соединенных островках. Авиационисты, применение которых сильно возрастает, — получили базы в гигантских подводных асках.

ПРОЭКТ ЗАЩИТЫ ОТ ГАЗОВОЙ АТАКИ СВЕРХУ:

крыши всех зданий возоружены в во воздухе, создав на плаву. Да самолеты усложнению на нескольких соединенных островках. Авиационисты, применение которых сильно возрастает, — получили базы в гигантских подводных асках.

газовых рожек. Когда рожки закончатся, они и создадут ток теплого воздуха вверх, что не позволит осесть газам.

НАСТУПЛЕНИЕ: основными атаковочными средствами будут точки, подвешенные бомбовозами. Бомбыми с воздуха будут сметены защитные подземные убежища, а также разрушены все, что этих убежищах.

СТАРТ БЕГА НА 800 МЕТРОВ: один из забегов на профсоюзном празднике физкультуры.

ФИЗКУЛЬТУРА РАБОТНИЦЫ

В. ДОБРОВОЛЬСКИЙ и И. ЯБЛОНОВСКИЙ, снимки П. РЪМАНОВА и др.

НЕОБХОДИМО сказать, что со здоровьем женщины-работницы у нас сейчас далеко не благополучно. Тяжелые годы голода, большие, истощающие родительства, да и профессиональная работа отразились и отражаются на ее здоровье. Здоровье же необходимо женщине-работнице вдвойне — ей самой и ее будущей потомству, так как только здоровая мать может иметь здорового ребенка.

Широкая возможность заниматься физическими упражнениями, которую получили женщины-работницы в настоящее время, не всегда правильно используется. Нужно заметить, что стремление быть «как мужчина» и здесь, в области физических упражнений, далеко не редкое явление. И если высокие мужские сапоги, кожаная куртка и кепка никакого вреда здоровью женщины не приносят, то стремление исполнять несоответствующие особенностям женского строения физические упражнения может вызвать серьезное заболевание. Особенности же эти являются следствием возложенной на женщину природой обязанности — деторождения.

Природа распределила обязанности между мужчиной и женщиной. На долю мужчины приходится лишь участие в акте оплодотворения, на женщине же лежит вся тяжесть вынашивания, рождения и кормления ребенка. В соответствии с этими задачами, построен организм женщины, при чем, понятно, различие в строении организма остается и у тех женщин, которые по каким-либо причинам не рожают детей.

Чем же наиболее резко отличается женщина от мужчины в строении своего тела?

1. Начиная в нижней части живота органы, участвующих в протекании беременности и рождении ребенка, т. е. матки и яичников, укрепленных в определенном положении только связками и мышцами.

2. Большой шириной таза, необходимой при родах (тазом

называются большие кости, которые служат как бы окончанием тазовицкн снизу; соединенные между собой они представляют нечто в роде круга с отверстием посередине). У женщины это отверстие много больше и шире, чем у мужчин.

3. Присутствием грудных желез, вырабатывающих молоко для кормления ребенка. Кроме этих ярких особенностей, в строении женщины наблюдается в общем: меньший рост, меньший вес, менее развитые мышцы, а следовательно, и меньшая сила, большее количество жира, необходимого женщине для пополнения жизненных затрат во время беременности и кормления, более короткая грудная клетка (грудной клеткой наз. часть скелета, окруженного ребрами; внутри грудной клетки находятся легкие и сердце).

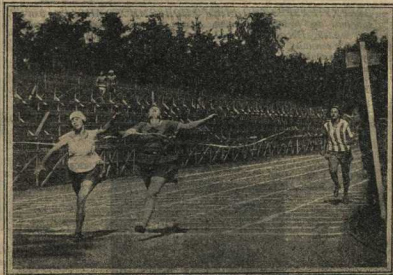
Наряду с отличием в строении организма, нужно отметить еще одну большую особенность, — это т. н. менструации, или ежемесячные кровотечения из половых органов женщины. Вызываются они переходом созревшего в яичниках женского зародыша (яйца), что всегда сопровождается поранием стенок матки.

Теперь, когда мы слегка разобрались в особенностях организма женщины, нашей задачей будет поставить вопрос о том, какова же цель физических упражнений и какие физиургания нужны женщинам.

Из всех средств физической культуры — женщина должна взять прежде всего то, что ей наиболее доступно. А это — солнце, вода и воздух. Солнечные ванны летом должны войти в обиход женщины-работницы. Вода, с ее животельной силой, не должна быть забыта. Купание летом, обтирание или обливание зимой, осенью и весной обязательны для женщин-физкультурниц. И, наконец, чистый воздух везде, где есть какая-либо возможность: в мастерской или в кашелярня, дома или в клубе, поляна, что чистый воздух так же необходим, как и пища.

К этому нормальное питание в определенное время, достаточное время для сна и отдыха. Переутомление должна быть объявлена бесцельная борьба, так как перегрузка, вредная вообще, особенно пагубно отражается на здоровье женщины.

Физические упражнения прежде всего должны помочь женщине-работнице в борьбе с вредными условиями профессиональной работы. Одной из вредностей, действие которой может быть исправлено физическими упражнениями, является сильное развитие некоторых мышц, от односторонней профессиональной работы, и чрезмерное ослабление тех, которые в работе не принимают участия. Эти ослабленные мышцы могут наделять много вреда. При слабых мышцах живота, может произойти смещение матки, что обычно вызывает болезнь. Слабые мышцы спины не могут удержать тазовицкн прямо, и получается сутулость. Общая же недостаточная работа мышц вызывает слабость сердца и недостаточную работу легких. Физические упражнения должны прийти

ФИЗКУЛЬТУРА РАБОТНИЦЫ: финиш бега на 100 метров

здесь на помощь. Развитые физические упражнения упражнениями, крепкие и мышцы живота обуславливают правильное положение и деятельности половых органов, нормальное протекание бе-

ременности и правильное пищеварение. Наряду с этим, физические упражнения должны развить мышцы спины, чтобы грудная клетка была расширена, легкие работали нормально, и не было бы опасности заболеть туберкулезом (задохкой). Поэтому, подбирая физические упражнения для женщин, нужно обращать особенное внимание на укрепление мускулов живота и спины. Но, наряду с этим, нельзя забывать необходимости развить мышцы ног, рук и пр. И здесь должны быть использованы упражнения и спортивные игры, — ледное плавание, гребля и легкая атлетика. Но все должно быть в меру и иметь основной целью — здоровье.

Из физических упражнений женщины должны быть исключены прыжки в глубину с большой высоты и прыжки с шестом, точно так же

как и прыжки через гимнастические снаряды с разведенными врозь ногами, так как при неудачном прыжке всегда возможен удар о снаряд, а последующим смещением внутренних половых органов. Все же остальные прыжки, если они проводятся на площадках, должны происходить на взрытом месте; если же они происходят в помещении, то на специальном ковре. Наряду с этим, из физических упражнений женщины исключаются те упражнения, требующие осо-

ВВЕРХУ: ФИЗКУЛЬТУРА РАБОТНИЦЫ: женская восьмерка, выигравшая первенство СССР в 1925 г.
ВНИЗУ: ФИЗКУЛЬТУРА РАБОТНИЦЫ: игра в мяч во время экскурсии вепиатников в Косино

бенно сильного напряжения и большой выносливости. К этим относятся: борьба, бокс, поднимание тяжестей, бег на большие расстояния и некоторые из спортивных игр (футбол, пушбола) и пр. Здесь же необходимо сказать несколько слов о велосипед. Его достоинства незначительны по сравнению с его недостатками: сильное сотрясение, постоянное переполнение таза кровью, очень небольшое действие на развитие мускулатуры, делает его для женщины

очень мало пригодным.

Говоря об упражнениях, которые женщины не должны делать, нельзя обойти вопрос о тех периодах, когда физические упражнения должны быть

запрещены женщине, или сильно ограничены. Совершенно недопустимо производить упражнения во время менструации, так как большая потеря крови и так ослабляет организм, а физические упражнения могут еще больше усилить кровотечение. При злостных физических упражнениях во время менструации может произойти серьезное заболевание половых органов. Во время беременности, производя физические упражнения, необходимо соблюдать очень большую осторожность, и в особенности в первые и последние три месяца. Совсем прекращать упражнения не следует. Необходимо только совершенно исключить упражнения, вызывающие сотрясение.

Из сказанного видно, что стремление физкультурниц-работниц заниматься упражнениями в одной группе с мужчинами, должно быть изжито. В последнее время можно заметить, что молодые работницы начинают тягаться в физкультуркружки. Нужно организовывать женские группы. Дело не в том, чтобы делать, как мужчины; нужно делать лучше, но то, что подходит к женщине по ее природным данным.

МОСКОВСКАЯ КОМАНДА СОЮЗА СОВТОРГСПЛУЖАЩИХ: парад профсоюзного праздника физкультуры

„БЫТ“ и ЖИЗНЬ

Черк Е. ТРОШЕНКО, снимок Ф. ЗУБКОВА

ЗА ПОСЛЕДНЕЕ время вопросы быта в нашей комсомольской среде сделали своего рода модой. Пишутся статьи, делаются доклады, организованы и упродовольствуются комиссии по быту (в 1924—1925 г. при комсомольских районах и в крупных ячейках Москвы существовали специальные бытовые комиссии).

И, как всегда бывает в таких случаях, правильная для определенного момента постановка вопроса продолжает существовать и в тот период, когда действительность, жизнь требуют уже другой.

Новый быт — это увлекательная идея. Было время — 1923—1924 г.г., когда комсомол горячо хватился за нее, когда казалось, что новый быт можно создать вот тут, сейчас же, сию минуту, когда возникали даже коллективы нового быта чуть ли не со специальным уставом для его членов в комсомольских районах (Одесса, Свердловский и Привокзальный районы).

На деле же оказалось, что новый, строительный, трудовой темп жизни в советской стране несет в себе медленное, постепенное, подчас идущее через противоречия, накопление элементов нового быта.

Под напором действительности горячность остыла, и сейчас забвению является мысль о том, что новый быт не объявляется, а медленно строится, растет.

Это пример того, как жизнь разрушает неверные представления, но нам бы хотелось показать сейчас, как даже самые правильные взгляды и мнения превращаются в формальность и лишаются своего смысла и содержания при изменившейся обстановке.

Как ставится у нас сейчас вопрос о быте комсомольца? С одной стороны, предварительно оговорившись, что никаких кодексов морали и правил жизни мы, мол, устанавливать не намерены, ведется довольно детальная разработка бытовых комсомольских заповедей, с явственным уклоном в морализирование, а иногда прямо-таки в ханжество.

С другой стороны, особой разработкой подкрепляется положение о том, что расхлябанные, разгильястые, негигиенические условия жизни, безалаберность, — все это непозволительные вещи, что нужна организованность во всем, даже в мелочах и деталях одежды.

При чем до сих пор еще у нас, при объяснении тех или других бытовых явлений в молодежной среде, танцуют от пещки, которая давно уже перестала быть пещкой. Эта пещка называется бытовыми пережитками военного коммунизма.

Совершенно упускается из виду то, что только незначительная прослойка комсомольцев является сейчас носителем бытовых навыков эпохи гражданской войны. Забывается совершенно то, что на основную массу нашей молодежи, находящуюся сейчас в рядах комсомола, период военного коммунизма в бытовом отношении влиял не непосредственно,

как на тех, чья жизнь протекала между митингом в клубе и винтовкой.

В рядах комсомола сейчас ребята, превратившиеся из детей в подростки и юношей как раз в годы напряженной борьбы, жившие в ее атмосфере, но по малолетству не смогли быть ее участниками. В самом деле! Семнадцатилетнему парнишке (средний возраст для комсомольца) в 1920-м году было всего 12 лет. Очевидно, не об этой части комсомола, а она теперь основная, идет речь во всех наших декларациях о новом быте комсомольца.

И вот эта-то новая масса молодежи, влившаяся в комсомол за последние два года, и является той изменившейся

обстановкой, в которой нужно „танцевать“ по-новому во многих вопросах, и особенно в вопросе о быте. Это — те новые условия, при которых наши доклады о быте могут принести только ничтожную пользу или вовсе никакой, а заботы об упорядоченной жизни коснутся только внешнего, покажут только нашу поверхность и формализм.

Тот самый быт рабочей молодежи, о котором мы столько кричим, представляет собой довольно печальную картину. Наши снаряды не достигают самой толщи молодежи.

Улица, детективное кино, пивная, вечеринка, полное равнодушие к политической учебе, ухаживание за девушками, одним словом, быт, в котором трудно найти элементы нового, комсомольского.

Все клубные работники знают, как плохо идут дела сейчас в наших комсомольских клубах. Руководители политкружков с великими трудностями сколачивают пленумы кружков. А на одной крупной московской фабрике после того, как была проделана тщательная подготительная работа по оповещению и т. д., на протяжении 4-х недель на занятия кружка явилось 4 человека из 30. На вопрос руководителя, где ребята, последовал красноречивый и краткий ответ: „2-я серия“. Дальнейшие объяснения были излишни. И нужно заметить, что члены этого кружка наиболее квалифицированные и лучше оплачиваемые рабочие на данной фабрике.

Чтение, книга, газета занимают в жизни основной массы комсомолца ничтожное место. Даже окончившие факультеты ребята не читают газет, а если и читают, то, сами признаются, — прокшещения, суд, кинопрограммы.

Беллетристика, и то не привлекает ребят, а о политической книжке и говорить не приходится. Политические книжки сохнут в библиотеках.

Как наиболее яркое выражение неблагополучия в быту молодежи, можно отметить рост хулиганства. Грубые, дикие забавы, непозабываемая матерщина, пьяный перепар, похабные песни. — все это искажает, уродует лицо рабочей скраины, и молодежь в этом уродстве не на последнем месте.

Так обстоит дело. Об исключениях, об отдельных, тонких, впрочем, пропойках молодежи, живущих культурно, мы не говорим. Нам интересуют самая толща союза, а она живет плохо. Быт ее нашел себе питательный источник в обломках старого, дореволюционного быта, в остатках темного, забитого уклада жизни рабочей окраины в прежние времена.

Разговоры насчет этики и доклады о новом быте не нужны, надо прекратить разговоры о быте вообще, и заняться бытом молодежи на деле. Все внимание на коммунистическую организацию сознания молодого рабочего, на повышение его культурного уровня, на пробуждение его классового самосознания, — и коммунистическое поведение приложится само собой.

НАШИ ВЕЛИКИЕ ДОСТИЖЕНИЯ

(СТЕНОГРАММА ОТЧЕТА ПО КЛУБУ „КРАСНЫЕ КРЫЛЬЯ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ“)

Р. РОМАН, рисунки В. СУТЦЕВА

ПОМЗАВЛДЛЕ (ОН ЖЕ КАЗНАЧЕЙ, ОН ЖЕ ЗАВХОЗ, ОН ЖЕ СЕНЬКА КУДАКТОВ).

Говарич! Я скажу немного. Я скажу только, что, несмотря на все прегары и препятствия, мы неустанно ремонтировали клуб, мы неустанно улучшали его внешность и его внутренность. Вот вам краткий список одного только ремонта стен клуба!

В 1921 году была содрана рогоза времен старого коммунизма и замаснена масляной краской революционного оттенка, но с дряблывой желто-ватых тонов из-за. В 1922 г., в виду желания придать клубу больше уюта, масляная краска замаснена обоями (голубые с птичками).

В 1924 г., в целях привлечения в клуб взрослых рабочих, стены клуба приняли более привлекательный для взрослых рабочих вид (цвет пивной бутылки).

Наконец, в текущем 1925 году мы революционной рукой самодельного кружка ИЗО красили эти стены живописными лозунгами и пейзажами из жизни народов Востока, Запада и прочих стоящих стран.

Товарищи! Итак сами стены кричат о той работе, которую мы проделали в клубе. Я кончил.

РЫКАЛОВ-ГРОМОВОЙ (РУКОВОДИТЕЛЬ ДРАМКРУЖКА)

Я буду говорить от имени акустиста, которое пришло в моем лице служить революции.

Как я служил?

Разве вы забыли революционные песни, написанные мною самим? Кто из вас не помнит тех жутких бело-гагарейских, которые прекращали выписку, чтобы наслововать, и прекращали насление, чтобы расстрелять, которые все это прекращали в последнем акте, когда их арестовал хор-кружок, певший „Интернационал“. А разве мог изгладиться из вашей памяти т. Попов, изображавший призрака, бродявшего по Европе, к которому и обращался со словами:

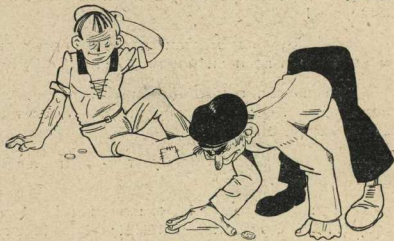
„Свяжи мне призрак вещей мой, В какой стране ты зародился, Твой лик я вижу в вышине Такой прекрасный, страшный прамо. Не правда-ли, это был незабываемый миг? И таких мигов было мною дано вам много.“

— Какой это клуб, ежели меня из него восемь раз вышибали...

— Итак, сами стены кричат о той работе, которую мы проделали...

— Зато теперь... полит-серванка.

СЕРГЕЙ ИВАНЧ (СТОРОЖ, ОН ЖЕ ГЕРОЙ ТРУДА, ПЕРЕЖИВИШИ В ПРАВЛЕНИИ КЛУБА)

Я, ребята, о плавательнице и об атах, как их, прости господи... об урках... И что, ведь, за народ этакий пошел! Вот, скажем, поставили этих плавательниц, они урков эти сажух. Ну, и что-ж вы думаете? Плают в них? Ожурки, может, в них идают? Как же! Нет такой тебе народ теперь, чтобы в плавательницу плывать. Нет, вот ежели на прерванный пол, да на самую середину, или вот, скажем, на простенок какой-нибудь симпатичный — это, вот, он плавает, с полным удовольствием, харкает во всю пасть. Я вот являюсь шельху подосланным у Энгельса из пошу выко-выривча. Это что же вам Энгельсов нос — урва какая, что-ли?

Или вот, скажем, о небосил. Уж я не знаю, ребята, из каких таких кирпичей у вас здания сделаны. Только пружины на диване шпатагом свиважь, только новые заплаты чуть не провадой пришьешь,

МАРУСА БУТЫРИНА (ПРОСТО КЛУБИСТКА).

Я от имени кройки и шитья... т-е школы... Да. И если нас обвиняют, будто мы в школе про ребит горючили только, кто с кем гуляет и кто кому нравится, так все это Гривша распространяет слухи (Гривша с места: брехня). Нет, правда. Вот. И потом говорят про нас, будто мы баб-трест и вообщее... Нет, не вообщее. То-есть да... То-есть нет... И вообщее ребята у нас чересур активны, где их не пресит (сест). То-есть нет... То-есть да... Ну да что с вами горючит и вообщее. А ну вас...

ИВАН КНИЖКИН (МЕТОДИСТ).

Товарищи, какой необыкновенный расцвет видов и методов мы видим в текущем году у „Красных Крыльев“? А года назад мы в области игр имели одну только шапечную доску с пробками вместо шахмат, зато теперь... полит... полит-лотерея, полит-лото, полит-рулетка, полит-шахматы, полит-шашки, полит-бильяры, полит... полит-серванка, полит-бабки, полит-рози и полит-так далее.

А способы?

Способ првлечения, вовлечения, завлечения, развлекания, влечения, влечения.

А методы?

У нас столько методов, сколько кружков, а кружков у нас столько, что на схемах они не помещаются и соперничат своим многочисленностью с Англискими, Монархи О-Да-Эф-ами и проч. Другими Детей Да зарастают же „Красные крылья мировой революции“, пусть всеядо они будут Красными!

ВАСЬКА ШКВОРЕНЬ (СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ—4 ПРИВОДА В МУРУ).

А по моему—буза! Какой это клуб, ежели меня из него-8 раз вышибали? Что это за клуб такой, ежели за махлуду битую морду испривитость воплет зорюлею человеку славить? И с каждым огурном в юбке изволь чуть не по-американски разтоваривать! Да, в этом клубе не только, что сбавнуть гас-нубуд в уголке—после пары пива, и вотки то не ядут. А это такое клуб?—Место отахья. А это разве отахья, когда тебя под жабы берут и с лестниц сволакивают? Разве так работу ведут?

Ах вы, мать вашу! (далее стенографировать не представлялось возможным, т. к. ни в одной из стенографических систем не оказалось зна-ока, соответствующего Васильским выражениям).

— Не такой тебе теперь народ, чтобы в плавательницу плывать...

СМЕНА

★ 1926 ★

**Всем комсомольским организациям
Всем читателям и подписчикам
"С М Е Н Ы,"**

С 1926 года один номер журнала „СМЕНИ“
будет стоить 20 копеек.

С понижением подписной цены „СМЕНА“
должна широко проникнуть в массы рабочей
молодежи!

Товарищи на местах должны проявить
инициативу в подписной компании на „СМЕНУ“.

Товарищам, завербовавшим 10 годичных
подписчиков, объявляется премией: — бесплатно
„СМЕНА“ на 6 месяцев.

Читателям „СМЕНИ“ будет выслан специ-
альный плакат.

Рабочая молодежь! Комсомольцы! Наш
лозунг: 50.000 экзempl. „СМЕНИ“ к 1 мая 1926 г.

РЕБЯТА ПОДУМАЛИ ЛИ ВЫ О ПОДПИСКЕ

— Н А —

1 г 19⁰ 2 д 6

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 1 мес. — руб. 40 коп., 3 мес. 1 руб. 15 коп.,
6 „ 2 „ 20 „ 12 „ 4 „ 10 „